

Судьбу случайно не встречают

Автор:

Евгения Горская

Судьбу случайно не встречают

Евгения Горская

Татьяна Устинова рекомендует

Они с детства были неразлейвода – три подруги: веселая озорница Кира, капризная красавица Аля и добродушная умница Маша. Старший брат Киры Денис не воспринимал девчонок всерьез и не замечал влюбленной в него Маши, а она не смела обратить на себя его внимание. В отличие от самоуверенной Али... Но жизнь сложилась совсем не так, как они представляли в мечтах, – Денис насмерть сбил человека, и его осудили. Это стало концом дружбы трех девушек: Кира замкнулась в себе и своей беде, Маша полюбила другого, Аля успешно вышла замуж и родила сына. Но едва Денис освободился из заключения, его застрелили! И это преступление вновь свело подруг вместе, ведь убийство Кирино брата навсегда изменило жизнь каждой...

Евгения Горская

Судьбу случайно не встречают

© Горская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Я люблю хорошие книги про «обычных» людей!

Речь сейчас не идет о по-настоящему сложной, большой литературе, которая поднимает самые серьезные и страшные вопросы – быть или не быть; тварь ли я дрожащая или право имею; что делать и кто виноват? Все это вопросы, поставленные писателями в разное время и в разных книгах, и ответов на них нет до сих пор – и вряд ли появятся.

Вернее, так: в тот день, когда человечество поймет, как на них отвечать, оно, это самое человечество, и кончится. Ибо ему, человечеству, нечем станет заняться – не рассматривать же всерьез в качестве занятия улучшение качества селфи, прием витаминов для омоложения и постановку «Трех сестер» в новом, революционном прочтении!.. Вышеперечисленное не имеет никакого смысла, а вот эти вопросы – имеют!

Беллетристика была, есть и будет всегда – покуда не закончится цивилизация. Несмотря на то что она не поднимает вселенских вопросов и не создает исполинов духа, «литература для чтения» необходима любому человеку, даже самому высокообразованному, – чтобы неожиданно для себя, сидя с книжкой в метро или на даче, вдруг засмеяться или заплакать, задуматься о чем-то, вспомнить хорошее и порадоваться, что все впереди, вспомнить плохое и еще раз порадоваться, что оно миновало, посочувствовать героям, невзлюбить злодеев. Это и есть – человечность.

Кстати сказать, это очень человеческое занятие – описывать себе подобных, разбираться в их судьбах, рассуждать о поступках, рассматривать с разных сторон. Так вот, я не люблю, когда «книги для чтения» написаны плохо и повествуют невесть о ком – я не знаю таких людей, потому что их, таких, не бывает!..

Мне нравится в книгах Евгении Горской, что ее герои – не только обычные, но и самые настоящие люди! Они живут самой обыкновенной жизнью и словно получают от автора задание – разобраться в темной запутанной истории и получить правильный ответ. И награда за усилия – любовь, новое понимание жизни, уверенность в собственных силах. Это достойная награда, доложу я вам!..

Татьяна Устинова

Дождь лил с утра, и это было кстати. Человек вошел в подъезд, прикрываясь зонтом. Он не знал наверняка, есть ли в подъезде камеры, но, ожидая лифта, делал вид, что складывает зонт, держа его над головой. Ни в одну камеру не должно было попасть его лицо.

Ему повезло, в подъезд никто не вошел. В лифте он опустил зонт, доехал до нужного этажа. Достал из кармана бумажный носовой платок, обернул им палец и нажал кнопку звонка нужной квартиры.

Ему открыли быстро, и он вошел внутрь, стараясь ни к чему не прикоснуться.

Все заняло минуту. В лифте он опять не полностью раскрыл зонт и, прикрывая им лицо, вышел на улицу.

Лило как из ведра, противно завывал ветер, трещало дерево сбоку, и человек еле удерживал зонт.

15 августа, понедельник

Такого ливня, как накануне, не было за всю историю метеонаблюдений. Так, во всяком случае, говорили в новостях. Дождь шел сутки, практически без перерывов, подтопил множество улиц, едва не привел к транспортному коллапсу или даже привел, Кира толком не поняла.

Она ждала брата Дениса, которого не видела почти четыре года. Кира ждала его еще вчера, потому что вчера у нее был день рождения и Дениска обещал обязательно заглянуть.

Ей не хотелось встречаться с братом. Она боялась его увидеть.

Брат недавно освобожден из заключения.

Вчера Денис так и не приехал. Звонить ему Кира не стала, в одиннадцать легла спать. Но утром все-таки позвонила. Сначала на городской номер старой родительской квартиры, потом, когда ей никто не ответил, на мобильный и

слушала длинные гудки, пока ей не объяснили, что абонент не отвечает.

Она старалась не помнить о Денисе все эти годы, и ей это почти удавалось. Кира перестала общаться со старыми знакомыми, устроилась на работу в другом районе города – администратором в маленький салон красоты – и почти не появлялась в родительской квартире, чтобы, не дай бог, не столкнуться с соседями и избежать дурацких вопросов.

День прошел как обычно. Клиентов в салоне было немного, и потому что лето, все в отпусках, и потому что кризис. Кризис ощутимо бил по населению. Даже у парикмахерши Марины, мастера очень высокого класса, было пустое часовое окно.

Кира Маринку любила. За доброту и жизнерадостность и еще за то, что рядом с ней отчего-то становилось легко и спокойно. Марина весь свободный час просидела около Кире, сетовала, что сын-шестиклассник никак не хочет учить математику, поскольку намерен работать исключительно в полиции, как папа.

– Ты ему скажи, – посоветовала Кира, – что математика хорошо мозги тренирует. Математика – это логика, а логика полицейскому точно нужна.

– Да я это и говорю, Кир. – Марина внимательно посмотрела на Киру и вздохнула. – Неприятности?

– Нет, – отрезала Кира. – С чего ты взяла?

– Да так, – улыбнулась подруга. – Ни с чего. Вроде ты грустная. Извини.

Конечно, она грустная. Она уже четыре года грустная.

У нее брат уголовник.

Наконец явилась Маринкина клиентка. Кира заулыбалась, предложила чай-кофе, клиентка, ясное дело, отказалась.

Больше никто на сегодня не записывался. Кира поскучала, читая в Интернете всякую ерунду, когда в дверь салона толкнулся какой-то парень. Охраны в

салоне не было, поэтому дверь держали запертой и открывали, когда клиенты звонили в звонок. Кира протянула руку к находившейся под столом кнопке, отпирающей электронный замок.

- Извините, мне бы к стоматологу. - Парень оказался мужчиной лет тридцати пяти в джинсах, футболке и почти незаметных очках. Очки тянули на половину Кириной зарплаты.

Кира таких мужиков терпеть не могла. Такие остались в прошлой жизни. Сейчас она уютно чувствовала себя с шоферами, охранниками и курьерами, которые привозили в салон шампуни и прочую косметику.

- Стоматология рядом, - буркнула Кира. - Соседняя дверь.

Мужчина вышел, она опять уткнулась в экран компьютера.

Простились и ушли косметолог и маникюрша. Марина наконец-то проводила преображенную клиентку. Кира похвалила стрижку.

Через несколько минут упорхнула и Марина, уборщица Зиля провозилась еще с полчаса, Кира еле дождалась, когда она перестанет водить шваброй по полу.

Со вчерашнего дня заметно похолодало. Запирая дверь, она впервые за несколько недель почувствовала, что мерзнет на холодном ветру. После холодного июня июль и август побаловали, тепло было даже ночью.

Закапал дождь. Кира остановилась на скользких ступенях крыльца, принялась шарить в сумке, наконец нащупала зонт, достала.

Мягко хлопнула соседняя дверь, из стоматологии вышел давешний мужик, скептически покосился на Киру и неожиданно предложил:

- Давайте я вас подвезу, у меня машина.

- Спасибо, - улыбнулась ему Кира. - Сама дойду.

Мужчина пожал плечами, сбежал с крыльца.

Ветер, казалось, дул со всех сторон. Дождь усилился. Прямо на глазах образовались лужи, одну пришлось обходить по краешку газона. Узкий бордюр оказался скользким, и Кира чуть не шлепнулась прямо в грязную воду.

Скромная «Тойота» обогнала ее у поворота к метро.

– Садитесь, – приоткрыл дверь посетитель стоматологии.

Вид у него при этом был такой, как будто он подбирает нищенку с паперти: и доброе дело совершать неохота, и совесть не дает бросить на произвол судьбы несчастное существо.

Наверное, из-за того, что смотрел он на нее хмуро и разговаривал без особой симпатии, Кира и села к незнакомцу в машину. Цену улыбкам она хорошо знала, сама растягивала губы с утра до вечера.

– Куда?

Сзади посигналили, мужчина тронул машину, свернул в сторону центра.

– К метро.

– Да ладно вам, – поморщился он. – Говорите адрес. Может, нам по пути.

Кира планировала ехать домой, чтобы поскорее залечь в горячую ванну, почитать что-нибудь или послушать музыку, но неожиданно назвала адрес родительской квартиры.

Она встретится с братом и опять о нем забудет.

Решение было правильное, ей стало спокойнее. Все-таки странно, что вчера Денис так и не объявился, раньше он был очень пунктуален. Впрочем, раньше он не был уголовником.

Раньше она очень любила брата. Гордилась и хвасталась им, и ужасно ревновала к подруге Але. Алька считалась его девушкой.

Мужчина ехал молча, и Кира неожиданно заговорила сама. Обычно она помалкивала. Привыкла помалкивать за последние четыре года.

– Заболел зуб?

– Заболел, – подтвердил он, даже не посмотрев на Киру.

– И как? Вылечили?

Он свернул на Садовое. Когда-то Кира считала, что всегда будет жить в центре, и долго не могла привыкнуть к бабушкиной квартире в не слишком отдаленном, но все-таки чужом районе.

– Поставили временную пломбу.

Водитель был не намерен поддерживать разговор. Ну и черт с ним. Кира принялась рассматривать дома и редких прохожих и чувствовала себя дальней странницей, случайно занесенной в некогда знакомые места.

– Какой подъезд? – Машина уверенно свернула в арку между домами.

Под этой аркой Кира впервые поцеловалась со своим однокурсником, в которого была влюблена год до этого. И здесь же осталась одна, когда сказала ему, что у нее посадили брата.

Любимый тогда сразу куда-то заторопился, чмокнул ее в лоб, обещал позвонить и больше не звонил.

– Следующий, – показала Кира и замялась, держась за ручку двери.

– Я не подрабатываю извозом, – усмехнулся мужчина – догадался, что она сейчас предложит ему деньги, и от этого Кире впервые за много времени стало весело.

– Спасибо. – Она быстро вышла из машины и добежала до подъезда.

Дом показался чужим, незнакомым, наверное, потому что недавно заменили лифт.

Кира была здесь чуть больше месяца назад, перед приездом Дениса. Брат сообщил, что освободился и приедет, она отправилась в родительскую квартиру, вытерла пыль, купила кое-какие продукты. Запасные ключи от квартиры оставила на гвоздике рядом с дверью, а саму дверь не заперла. Код от подъезда сбросила брату эсэмэской.

Она не заволновалась, когда Денис не открыл. Только разозлилась на себя, и за то, что приехала, и за то, что перед этим не позвонила, и за то, что явилась даже без ключей.

От злости и дернула ручку двери, и даже сразу не поняла, что дверь не заперта.

Дениса она нашла лежащим на полу в коридоре. Уже засохшая кровь образовала небольшую лужу на старом паркете, который давно нужно было заменить.

Отпускное время уходило, а Маша ничего из намеченного сделать не успевала. Вообще-то, в отпуск они с Павлом собирались поехать куда-нибудь на море, но фирме, в которой Павел работал, удалось заключить срочный контракт, и нормальный отдых не состоялся. Муж чувствовал себя виноватым, смотрел на нее с видом нашкодившей собаки, и Маша безуспешно уверяла его, что прекрасно проведет время на даче.

На самом деле, она могла прекрасно провести время и в Москве.

Так и вышло. Ежедневно ездить на работу из Подмоскovieя Павел не мог, на дорогу уходило слишком много времени. А время муж предпочитал отдавать работе, тем более что работа была срочной и ответственной.

Одной на даче Маше было скучно, и она целыми днями валялась с книжкой в пустой квартире.

- Походи хотя бы в бассейн, - уговаривал Павел.

– Лень, – честно отвечала Маша.

С ним она поехала бы в бассейн с удовольствием. С ним она куда угодно поехала бы, а одной действительно не хотелось.

Так и вышло, что всю жару она провела в городе под кондиционером, а когда собралась хотя бы на пару дней все-таки выбраться за город, похолодало и пошел дождь.

Маша в очередной раз посмотрела за окно и вздохнула. Съездить на дачу было нужно. Собрать немногие созревшие ягоды – год выдался неурожайным, да и просто присмотреть за участком и домом.

Ехать же в выходные было особенно неудобно, потому что в эти дни за город ехала вся Москва и дорога удлинялась в разы.

Дождь не утихал. Маша опять улеглась на диван, жалея, что новый американский детектив скоро кончится. Павел предупредил, что задержится, и она с тоской посмотрела на часы.

Телефон зазвонил, когда главная героиня решала, белую или голубую блузку ей надеть на встречу с молодым человеком.

– Да, Кира. – Маша удивилась ее звонку.

Она только вчера звонила Кире, поздравила с днем рождения и, как обычно, убедилась, что Кире не нужны ни ее поздравления, ни она сама.

Подруга говорила, негромко и четко произнося слова, а Маше показалось, что она слышит не о чужом несчастье и горе, а ее саму из новой уютной квартиры засасывает куда-то в темное, неизведанное и страшное. Думать о себе в такой момент было отвратительно, и она быстро сказала:

– Я сейчас приеду. Кира, я сейчас приеду.

До района, где они с Кирой выросли, ехать было минут двадцать, а казалось, что это разные города. Маша уже привыкла к широким улицам, к сплошному потоку

машин и озабоченной, спешащей публике. В центре люди никуда не спешили, они гуляли, смеялись, пили вино и кофе на верандах бесчисленных кафе.

Ее родители жили рядом с Кириными, но Маша всегда приезжала к ним днем, и разница не была так заметна.

В последний раз в квартире Кириных родителей Маша была, когда арестовали Дениса. Они сидели с Кирой в ее комнате и молчали, за стеной рыдала Кирина мама, а Кирин папа ее не утешал.

Кирин папа умер через полгода после ареста сына. Умер скоропостижно, прямо у себя в рабочем кабинете. Маша ходила на похороны и на поминки, что семья устроила в каком-то ресторане.

Мама у Киры не стало год назад. Маша опять ходила на похороны, но уже чувствовала себя рядом с Кирой совершенно посторонней.

Когда подъезда она не знала, но звонить в домофон не пришлось, из подъезда вышла пожилая пара, и Маша проскользнула внутрь.

В квартиру тоже звонить не пришлось. Оттуда вышел молодой хмурый мужчина, недовольно посмотрел на Машу.

– Я подруга Киры, – решительно сказала Маша. – Она просила меня приехать.

Мужчина не стал ее прогонять, вошел вместе с ней, буркнул:

– Подождите здесь, – и исчез за поворотом коридора.

Она привалилась спиной к косяку двери.

Из глубины квартиры слышались негромкие голоса, появлялись и исчезали люди в полицейской форме и в штатском, без любопытства оглядывая Машу.

В детстве она любила играть у Киры. Машина мама работала дома, заставляла учить уроки, мыть за собой посуду и ужасно мешала, а Кирины родители приходили с работы поздно, и проводить здесь время было сплошным

удовольствием.

Подруги прокрадывались к комнате Дениса и смотрели в щелку, чем занят Кирин старший брат. Как правило, Денис сидел за письменным столом. Если замечал девчонок, отгонял их от своей комнаты. Однажды даже дал Маше подзатыльник. Довольно больно, между прочим.

Маша была в Дениса влюблена, пока не встретила Павла.

Наверное, она стояла в коридоре недолго, но ей показалось, что время остановилось.

Потом откуда-то вышел молодой парень в футболке с изображением российского флага на груди, улыбнулся Маше, спросил, кто она такая и где живет.

Маша объяснила, спросила, не показать ли паспорт. Парень отмахнулся.

И тут наконец вышла Кира. Подруга не плакала, только сразу взяла Машу за руку, а Маша ее обняла. Они так и стояли, обнявшись, пока не вынесли тело Дениса и не опустела квартира. Потом квартиру опечатали, и Маша отвезла Киру к ней домой.

Елену Анатолий Михайлович узнал не сразу. Он шел от метро и случайно задержал взгляд на спешащей навстречу женщине. Они уже разминулись, когда он тоскливо подумал – Елена. Она его не заметила, и оборачиваться он не стал.

Елена иногда приезжала к своей сестре, жившей в соседнем с ним доме, и Анатолий Михайлович пару раз ее встречал. Они перекидывались ничего не значащими словами и опять расходились каждый в свою жизнь.

А когда-то ему казалось, что его жизнь – это Елена.

У подъезда Анатолий Михайлович замедлил шаг, даже постоял немного на крыльце, не нажимая кнопки домофона. Идти домой не хотелось. Он подумал, не зайти ли в ближайший ресторан, но тут опять пошел дождь, он неодобрительно

посмотрел на свои грязные туфли и наконец вошел в подъезд.

Он уже несколько лет ездил на работу на метро и втайне этим гордился. Своей демократичности он, конечно, не афишировал, и вызвана была демократичность исключительно прагматическими причинами: от дома до метро и от метро до работы было по две минуты небыстрым шагом, и проехать требовалось всего две остановки по прямой, а пробки, несмотря на введенные платные стоянки, московские власти так и не победили.

- Толя! - крикнула из комнаты жена, когда он отпер дверь. - Ты?

- Я! - крикнул в ответ Анатолий Михайлович.

Она не вышла его поцеловать, и он был этому рад. Он понял, что не любит жену давно, когда Але было всего восемь месяцев.

- Аля заходила? - вымыв руки, он заглянул в комнату.

Жена лежала на диване под пледом, листала какую-то книгу.

- Ты не заболела?

- Нет. - Она отложила книгу, ласково улыбнулась. - Аля заходила утром. Мы немного поиграли с Данечкой, потом он закапризничал, и они ушли.

Дочь жила недалеко от них и забегала почти каждый день.

- Ты голоден?

- Нет. - Анатолий Михайлович тоже постарался ласково улыбнуться жене. - Лежи. Захочу есть, сам возьму.

Он понял, что не любит жену, когда осознал, что не верит ни одному ее слову. Не потому что она постоянно его обманывала, наоборот, он был уверен, что ему она как раз говорит правду.

Просто она как будто постоянно играла какие-то роли, а что она при этом чувствует на самом деле, узнать было невозможно.

Анатолий Михайлович заварил себе крепкого чаю, взял конфету из вазочки, повертел в руках. На пробу положил в рот, оказалось вкусно.

Але было восемь месяцев, когда она безучастно проспала сутки, ненадолго открывая глазки. Они не сразу догадались измерить температуру, и, когда вызвали детскую неотложку, температура оказалась под сорок.

Жена плакала, начинала шептать какие-то молитвы, смотрела на него непонимающими глазами, а он носил больного ребенка на руках, боясь положить в кровать.

Врач выписала какие-то лекарства, он сбегал в аптеку, и вскоре температура упала.

Жена мгновенно успокоилась, заснула, а он сидел возле кровати дочери, трогая рукой влажный лобик, и боялся отойти. Он так и не заснул в ту ночь, а жена ни разу не проснулась.

На следующее утро она опять плакала и опять шептала молитвы, хотя ребенок уже явно выздоравливал, и жалобно просила, чтобы Анатолий немедленно организовал консилиум или что-нибудь в этом роде, а он ей не верил.

Наверное, он был не прав и она действительно искренне переживала за дочь, но слушать ее ему было противно.

Но скорее всего давняя болезнь дочери и вовсе ни при чем и разлюбил жену Анатолий Михайлович просто потому, что никогда и не любил.

Любил он только одну женщину, Елену.

– Толя! – крикнула из комнаты жена. – В холодильнике мясо.

– Спасибо! – крикнул он в ответ.

Раньше ему казалось, что он заболевает, когда не видит Лену несколько дней.

Странно, но сначала она ему не понравилась.

Дочь училась тогда в десятом классе. Он пришел в школу на родительское собрание, уселся рядом с незнакомой худенькой женщиной и совершенно не смотрел в ее сторону. На родительские собрания он всегда ходил сам, не по каким-то специальным соображениям, а просто потому, что так складывались обстоятельства. Жена то болела, то именно в этот день и в это время ей нужно было в парикмахерскую, то еще что-то ей мешало встретиться с учителями.

Так исторически сложилось, объяснил он потом Лене, когда она спросила, почему Алина мама никогда не приходит в школу.

В тот день учителя, как обычно, дружно хвалили класс и сетовали на некоторых нерадивых учеников, в число которых его дочь, слава богу, никогда не попадала. Собрание было рядовым, скучным, он еле дождался окончания.

На улице к тому времени совсем стемнело. Сидевшая рядом с ним женщина вышла следом, поскользнулась на скользких от ночных заморозков ступенях, и Анатолий едва успел подхватить ее под локоть. Она весело ему улыбнулась, высвободила руку и быстро прошла вперед.

Второй раз она поскользнулась шагов через десять, и он опять чудом ее поймал. Похоже, у нее была очень скользкая обувь.

В тот день он даже не предполагал, что его жизнь изменится. Они посмеялись над ее неуклюжестью и расстались, чтобы больше никогда не встретиться.

– Ну что же ты ничего не ел! – встревожилась жена, садясь напротив Анатолия Михайловича. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Я отлично себя чувствую, – заверил он и заставил себя улыбнуться. – Просто нет аппетита.

Жена обиженно покачала головой: я стараюсь, а ты...

Ее старания давно сводились к указаниям теткам, приходившим готовить и убирать квартиру. Домработниц она искала либо через какие-то фирмы, специализирующиеся на подобных услугах, либо через знакомых. Впрочем, тетки надолго не задерживались. Жена сначала начинала обожать и жалеть новую работницу, поскольку женщины, как правило, были приезжими и неустроенными. Потом обожание и жалость сменялись легким раздражением – господи, Толя, она меня сегодня довела до мигрени, принялась мыть ванную какой-то ядовитой химией, а я сто раз предупредила, что у меня аллергия! Ну а потом раздражение нарастало, и вместо одной женщины появлялась другая.

Анатолий Михайлович допил чай, сунул чашку в посудомойку, поцеловал жену и покосился на часы. Скоро можно ложиться спать. Еще один день прошел.

16 августа, вторник

Кира работала через день, не пришлось звонить в салон и упрашивать, чтобы ее подменили. То есть звонить все равно придется, сил идти в ближайшее время на работу нет, но звонок хотя бы можно отложить на вечер.

Она не думала, что удастся заснуть, а проспала всю ночь, как младенец. И проснулась поздно, почти в девять.

Вчера Киру долго расспрашивали про брата, а сказать ей было нечего. Четыре года назад Денис сбил насмерть беременную женщину, грубо и нагло нарушив правила дорожного движения.

До этого Кира не поверила бы, что брат на такое способен. И никто бы не поверил.

До этого машину Денис водил аккуратно, а в метро уступал старушкам место. Он списывал кучу бумаги формулами, брэнчал на гитаре и каждое утро поднимал шестнадцатикилограммовую гирю.

Вчера она не разглядела его лица, Денис лежал на полу лицом вниз, и она видела только коротко стриженный затылок. Раньше брата считали красавцем.

Ей всегда это казалось несправедливым, потому что они с Денисом были очень похожи, но ее красавицей никто не называл. Впрочем, Кира умела это исправить, особенно работая в дорогом салоне. У женщины должна быть хорошая кожа, хорошие волосы и хороший макияж – вот и вся наука.

Вставать не хотелось, но она себя заставила. Сварила кофе, выпила, сварила еще.

Кира понятия не имела, кто знал о том, что Денис вернулся.

Кира понятия не имела, чем он теперь собирался заниматься. Едва ли вернулся бы к себе в университет, где работал до ареста. В университет, наверное, с судимостью бы не взяли. Она на месте брата туда даже и не сунулась бы.

Вчера на его столе обнаружили раскрытый ноутбук. Ноутбук скорее всего его старый, и скорее всего он работал, иначе зачем бы брату его включать. Но Кира вчера не подошла не только к брату, к ноутбуку тоже. Еще на столе лежал старый альбом с фотографиями, раскрытый там, где они с Денисом совсем маленькие. Альбом Кира зачем-то закрыла, пока ждала полицию.

Внезапно ей стало нехорошо, и Кира схватила себя руками за щеки. Она не подошла к брату и не обняла его и больше никогда не сможет этого сделать.

Вообще-то они с братом никогда не обнимались и не целовались, если не считать совсем редких случаев. Она повисла на Денисе, когда он защитил диссертацию, а он чмокнул сестру в лоб, когда Кира принесла домой диплом о высшем образовании.

Сейчас ей казалось самым страшным, что она никогда больше не сможет его обнять. Это было так ужасно, что Кира застонала.

– Прости меня, если сможешь, – проговорила она в пустоту.

Пустота ей не ответила. Тихо включился бабушкин холодильник, из открытого окна слышался детский плач, стих.

– Я его предала, – сказала вчера Кира подруге Маше.

Маша не ответила, погладила ее по плечу – держись.

Вчера у Киры это вырвалось непонятно почему. Вчера она еще не понимала этого так, как поняла сейчас – она предала брата, и ей нет прощения.

Кира страдала и жалела себя и решила никогда и никому не говорить, что ее брат сидит в тюрьме. Хватит того, что любимый парень, узнав об этом, никогда больше ей не звонил.

Кира на него не обижалась, она и сама держалась бы подальше от семьи уголовника.

Поэтому и устроилась в салон красоты. В нормальной фирме не скроешь, что брат в тюрьме, там нужно заполнять полные анкеты.

Кира опять застонала и уткнула лицо в ладони.

Она уже не могла попросить у Дениски прощения, она могла только похоронить его по-человечески и ходить на могилу дважды в год. В день рождения и в день смерти. Нет, еще полагается ходить на Красную горку, это то ли перед Пасхой, то ли после, Кира точно не помнила.

Она заставила себя оторвать ладони от лица и медленно допила остывший кофе.

Брат уже не мог ее простить, и она сама не могла себя простить, но она знала, что будет делать.

За окном светило солнце. Вчерашний дождь опять сменился необычной для августа жарой. Кира быстро сполоснула чашку, натянула на себя первое, что попало под руку, – белые брюки и белую с синим футболку, сунула ноги в босоножки и вышла на улицу.

Уже почти у метро подумала, что надеть следовало что-нибудь темное, но возвращаться не стала, спустилась по эскалатору, втиснулась в набитый вагон. У молодого парнишки рядом с ней из наушников лилась тяжелая музыка, перекрывая даже шум идущего поезда. Кира пожалела беднягу, парень должен скоро либо оглохнуть, либо заработать жестокую мигрень. Она бы от такого

грохота точно заработала.

Денис любил музыку. И современную, и старую. Он и работал всегда в наушниках, чему Кира постоянно удивлялась, ей для мозговой деятельности требовалась абсолютная тишина.

В метро было жарко. Уличный прохладный ветерок приятно охладил кожу. Захотелось мороженого, она остановилась у только что открывшегося киоска, постояла и отошла, так ничего и не купив.

Народу в центре было немного, до родительского дома она дошла почти по пустым улицам. Лифта ждать не стала, поднялась на четвертый этаж пешком. Сосед Иван Яковлевич жил двумя этажами выше родителей, и вообще-то Кира плохо его знала. Собственно, она всех соседей знала плохо, хотя почти всю жизнь прожила в этом доме. Здравовалась при встрече да перекидывалась парой фраз при случае.

Сосед открыл сразу, как будто стоял за дверью, и совершенно не удивился, увидев ее на пороге.

– Проходи, – отступил он.

– Разуваться? – Кира с сомнением посмотрела на босоножки.

– Не надо. Проходи так. Завтракать будешь?

Ивану Яковлевичу было лет семьдесят. Несколько лет назад у него умерла жена, родители ходили на похороны, а они с братом – нет. Тогда у нее еще был брат.

– Нет, – отказалась Кира.

Иван Яковлевич повернулся, направился в комнату, тесно заставленную книжными шкафами.

– Не знаю, куда девать библиотеку, – заметив, что она покосилась на книги, вздохнул старик.

Кира не ответила, опустилась в кожаное кресло. Кресло было новым и явно дорогим, она вспомнила, что дети у соседа давно живут за границей. Это ей еще мама рассказывала. Тогда у нее была мама.

- Дениса убили.

- Знаю. - Старик сел в кресло напротив, тяжело на нее посмотрел. - Я тебя видел вчера, только подходить не стал.

Кира его вчера не заметила, вчера она мало что была способна заметить.

- Вы его видели?.. - Она не знала, как закончить: после отсидки? После освобождения?

- Видел, - кивнул сосед. - Он заходил ко мне несколько раз. По вечерам. Мы выпивали по рюмочке.

Кира только теперь заметила на стене большую фотографию жены соседа. Фотография была из последних, старая женщина смотрела с нее на Киру грустно и укоризненно. Кира помнила ее хохотушкой. Соседка отлично рассказывала анекдоты, мама пыталась повторять, но у нее ничего не выходило.

- Денис собирался жить.

Кира поморщилась. Конечно, собирался. Он же не сам себя убил, его убил кто-то другой.

- Устроился программистом.

- Что? - поразилась Кира. - Куда?

Она не думала, что брат попытается найти нормальную работу. И тем более, не думала, что найдет. Она видела его в лучшем случае сантехником.

- Куда - не знаю. В какую-то фирму. Он уже неделю работал. А почему тебя это так удивляет?

Иван Яковлевич отличался пронизательностью. Кира пожала плечами.

- Денис был правильный мальчик.

Кира хотела заметить, что правильные не попадают в тюрьму, но промолчала.

- Ему многое пришлось пережить, но он выстоял. Мне очень жаль, Кира.

- Мне тоже, - криво усмехнулась она. - Иван Яковлевич, в подъезде должна быть камера...

- Камера есть, но толку от нее нет. Все, кого можно разглядеть, свои были.

- Вы это точно знаете?

- Полицейские говорили.

Больше делать здесь было нечего, но уходить Кире почему-то не хотелось.

- Вы не знаете, как он жил? С кем встречался? - Она должна была это сама знать.

- Нет, - покачал головой старик. - Этого не знаю. Оставь-ка мне телефон.

Кира продиктовала номер. Уходить не хотелось, но она поднялась.

- Обязательно сообщи, когда похороны.

- Конечно.

У двери Кира помедлила. Ей хотелось, чтобы сосед ее задержал, но Иван Яковлевич молчал. Она кивнула на прощанье и захлопнула дверь.

Вчера Маша вернулась домой поздно и даже не заметила, что Павел пришел совсем незадолго до нее. Он переодевался, когда она отперла дверь. По дороге к Кире она ему дозвонилась, сообщила, что у подруги горе.

- Ну как ты? - участливо спросил муж, надевая домашнюю футболку.

Маша махнула рукой - ужас!

- Денис, оказывается, освободился месяц назад. - Она тоже переоделась в домашнее, вымыла руки, подставила ему висок для поцелуя.

- Знаю. Он мне звонил. - Павел пошел на кухню, включил электрический чайник.

- Что? - опешила Маша, входя следом. - И ты мне ничего не сказал?

Когда-то Денис и Павел учились вместе. Маша и познакомилась со своим будущим супругом в доме у подруги.

Муж пожал плечами, достал чашки, свою и Машину, заварил чай прямо в них. Правильно бы достать фарфоровый чайник, но доставать было лень.

- Я боялся, что он будет просить, чтобы я его на работу устроил, но он не попросил. Слава богу.

- Почему боялся? - машинально спросила Маша. Ей казалось, что у них с Павлом давно нет секретов друг от друга, а оказалось, что это не так.

Обижаться, в общем-то, было не на что, но все равно обидно.

- Ну как ты не понимаешь! Я стараюсь наработать репутацию. И приведу судимого?!

- Он сидел не за убийство и не за растление малолетних.

Разговор шел как-то неправильно, нехорошо. Маша обняла руками чашку, чашка была горячей, жгла пальцы.

Когда-то Денис здорово помог Павлу с диссертацией. Маша мало что в этом понимала, просто слышала обрывки разговоров.

- Да какая разница!

Разница была, но говорить этого Маша не стала.

- Ужинать хочешь?

- Нет, - отказался муж. - Пойдем спать, поздно уже.

Только утром, целуя его около двери, Маша вспомнила:

- Паш, а зачем Денис тебе звонил?

- Хотел узнать Алькин адрес.

Павел обнял ее, поцеловал, легко отодвинул.

- Ты ему сказал? - задержала его Маша.

- Как же я мог сказать, - засмеялся Павел, - если я его не знаю? Пока!

Она заперла дверь, подошла к окну, посмотрела, как машина мужа сворачивает за угол дома. Деревья внизу еще не начали желтеть, только недавно посаженная рябина уже покрылась оранжевыми пятнами созревающих ягод. Бабушка утверждала, что обильная рябина к морозной зиме.

Денис хотел узнать Алькин адрес...

Денис почти не обращал на девчонок внимания. Не вообще на девчонок, этого Маша не знала, а на них, на Кириных подруг.

Маша хорошо помнила, как, каждый раз отправляясь к подруге, мечтала встретить Дениса. С восьмого класса мечтала.

И была счастлива, когда ей удавалось перекинуться с ним парой слов.

Они дружили втроем, Маша, Кира и Аля.

Сначала никто не обращал внимания, когда Аля начала просить Дениса помочь ей с уроками. То есть Кира и Маша это заметили и даже правильно все поняли – у Али в то время уже были репетиторы и помощь студента Дениса, на самом деле, ей не требовалась.

Поначалу выглядело это все ужасно глупо, а в результате глупенькими оказались Маша и Кира – подруга Аля прочно и уверенно заняла место рядом с братом Киры.

Правда, недели за две до того ужасного ДТП Денис и Аля вконец рассорились. «Хоть бы он послал ее куда подальше», – мечтала Кира. Она в то время Алю терпеть не могла и постоянно к ней цеплялась. Ревновала. И Маша ревновала, хотя уже любила Павла.

Аля вышла замуж через месяц после ареста Дениса и даже на суд не пришла. Кира с ней вообще с тех пор не виделась и не разговаривала, а Маша как-то позвонила подруге просто так, поболтать, тогда и узнала, что Аля уже замужем.

– Ты знаешь, – объяснила она, – мы не устраивали свадьбу. Расписались и поехали отдыхать. Ты не обиделась?

Подруга всегда переживала, как бы кто-нибудь на нее не обиделся.

– Не обиделась, – сказала Маша, хотя обомлела от услышанного. Она считала Алю близкой подругой.

Про Дениса Аля тогда не спросила. Впрочем, Маша ничего и не смогла бы ей рассказать, Кира ей совсем не звонила, а когда Маша звонила сама, Кира быстренько сворачивала разговор.

С тех пор они разговаривали с Алей трижды в год: на Машин день рождения, на Алин и на Новый год.

На свою свадьбу Маша подружку пригласила, но та не пришла, потому что вот-вот должна была родить. И Кира не пришла, потому что у нее недавно умер папа, а мама болела. Во всяком случае, подружка так объяснила.

Зазвонил телефон, Маша ответила. Тетя Лена, мамина младшая сестра, доложила, что вчера вечером полила цветы в квартире Машиных родителей. Родители уехали отдыхать, Маша клятвенно обещала следить за цветами, а в результате поливала их Лена. Это было форменным безобразием, Маша почувствовала себя виноватой.

- Больше не ездят, - сказала она тете. - Теперь моя очередь.

- Да ладно, - отмахнулась Лена. - Отдыхай. Мне все равно делать нечего.

Нечего делать было как раз Маше, Лена работала пять дней в неделю, как и все трудовое человечество.

- Лен, ты помнишь Киру?

- Конечно, - немного удивленно ответила тетя.

Родители у Маши часто уезжали в командировки, и Лена жила с подрастающей племянницей иногда подолгу, иногда по нескольку дней.

- У нее был брат, Денис.

- Помню. До склероза еще не дожила.

- Его убили вчера. То есть позавчера.

- Боже мой! - тихо ахнула Лена. - Он ведь...

- Он освободился месяц назад. Представляешь, Кира его даже не видела...

Маша рассказывала и чувствовала, как замерла тетя.

А Павла совсем не тронуло, что его бывшего друга убили.

Считается, что женщинам трудно понять мужчин, а мужчинам женщин. Маша точно чего-то не понимала, потому что смерть Дениса, о котором она, если честно, редко думала в последние годы, начисто лишила ее возможности наслаждаться жизнью, бездельничая с книжкой в руках, как в предыдущие дни.

Хотелось немедленно хоть чем-то помочь Кире, Маша позвонила подруге, но та не ответила.

К вечеру Анатолий Михайлович понял, что устал. С утра он занимался самым противным делом из всех, которые ему приходилось выполнять: распределял деньги и работы последнего годового квартала между отделами. На самом деле по-настоящему работали только два отдела, но они были загружены полностью, а остальных давно следовало разогнать по причине профессиональной непригодности. Но такого удовольствия Анатолий Михайлович позволить себе не мог, фирма была наполовину государственной, и сократить ее до размеров крошечного малого предприятия ему бы просто не дали.

Он в последний раз посмотрел раскладку денег, вздохнул, понимая, что те, кто фактически сделают работу, получат столько же, сколько те, кто делать ее не будет, и наконец оторвался от компьютера. Посидел, глядя в окно на синее небо, по которому быстро плыли подсвеченные солнцем облака, прикинул, откуда дует ветер. Ветер получался северным или северо-восточным, недаром утром, когда он выходил из дома, было прохладно.

В последние годы он мало обращал внимания на погоду, у него больше не было собаки, с которой приходилось гулять и в дождь, и в холод. Собаку очень просила Аля. Она училась тогда классе во втором-третьем, и Анатолий Михайлович, как обычно, отказать дочери не смог.

– Пап, ты все время на работе, – жаловалась маленькая Аля. – Ты все время занят, а мне одной грустно.

– Ты не одна, – улыбался он. – Не прибедняйся. Ты с мамой.

– У мамы свои дела, ты же знаешь, – вздыхала дочь.

Он знал другое – назвать жену плохой матерью было бы крайне несправедливо. Она провожала ребенка в школу и забирала обратно, следила за отметками, отводила на занятия музыкой, на английский и в бассейн.

Но дочка умела его разжалобить.

– Мама сегодня встречалась с тетей Лизой, – рассказывала Аля, когда он вечером приходил с работы. – Тетя Лиза только час назад ушла.

– Ну и хорошо, – кивал он. – Мама целыми днями с тобой. А ей тоже нужно встречаться с подругами. Ты должна это понимать.

– Я понимаю, – соглашалась Аля. – Но мне было грустно. Купи мне щенка, я очень-очень тебя прошу.

Щенка он, конечно, купил. Колли Ричарда. Жена и дочь тискали пушистый комочек, лужи вытирала девушка-таджичка, которая тогда у них работала, а гулял с собакой Анатолий Михайлович.

Аля тоже пробовала выходить с Ричардом, но водить животное на поводке, останавливаясь совсем не там, где хочется, девочке было скучно.

Ричард был уже совсем взрослым, когда, гуляя с ним утром вдоль дома, Анатолий Михайлович увидел женщину с родительского собрания, которую он дважды удачно подхватил, не дав ей упасть. Женщина вела на поводке пушистую белую болонку, которую сразу взяла на руки, заметив Ричарда.

Кажется, она первая ему улыбнулась и первая поздоровалась. В то утро они ничего больше друг другу не сказали, только Анатолий Михайлович зачем-то оглянулся, посмотрев на ее обувь. Она была в брюках и черных ботинках на толстой рифленой подошве. Она не смогла бы в них поскользнуться, даже если бы захотела.

Оттого, что он разглядывает чужую обувь, ему тогда стало весело.

Ему часто было весело в тот недолгий период, когда они с Еленой встречались.

Анатолий Михайлович не считал себя несчастным, он любил дочь и внука, тепло относился к жене, он сделал неплохую карьеру, и ему вполне хватало денег. Только по-настоящему весело ему не было никогда с тех пор, как в его жизни не стало Елены.

Он посмотрел на часы – внук уже должен был проснуться после дневного сна. Позвонил дочери.

– Как дела, Алечка? – дежурно спросил он.

– Нормально, пап, нормально, – отозвалась Аля.

– Гулять пойдете?

– Посмотрим, – замялась она.

– Данила не заболел? – забеспокоился Анатолий Михайлович.

– Нет, пап. Слава богу, нет. Мне сейчас звонила Маша...

– Да?

– Убили Дениса.

– Что? – не сразу понял он.

– Ужасно, да?

– Ужасно, – машинально подтвердил Анатолий Михайлович.

– Как думаешь, мне пойти на похороны?

– Не знаю, Аля. Решай сама.

Он не видел Дениса четыре года и никогда о нем не вспоминал. Вспоминать было бы неприятно, Анатолий Михайлович не мог отделаться от самоедского чувства, что в какой-то степени виноват в том ужасном, что случилось с парнем. Не то чтобы он признавался себе в этом чувстве, просто ему не хотелось помнить о бывшем женихе дочери, и он не помнил.

Жене тоже не нравилось, что Аля встречается с братом подруги. Ни в чем плохом мальчик замечен не был, и в школе, и в университете отлично учился и подавал большие надежды как блестящий математик.

Проблема была в другом. Никакой блестящий математик не мог обеспечить дочери спокойную безбедную жизнь. Наверное, Денис получал бы вполне приличную зарплату, но эта зарплата не могла бы дать того уровня благосостояния, которого Анатолий Михайлович хотел для Али.

Конечно, он не мечтал выдать ее за олигарха, да, наверное, и не хотел этого. У олигархата свой круг, там Аля едва ли станет своей. Просто ему, как и любому нормальному отцу, хотелось, чтобы дочь никогда не знала страха безденежья, а этого Денис обеспечить ей не мог. Парень он был ершистый, по молодости, конечно, но по-настоящему серьезные люди и в молодости умеют сдерживать эмоции. Анатолий Михайлович понимал: Денис никогда не сделает настоящей карьеры, потому что не будет к этому стремиться. Не тот характер. Он несколько раз предлагал будущему зятю устроить его после окончания аспирантуры в какую-нибудь хорошую фирму с дальнейшим последующим продвижением, но Денис отказывался. В последний раз даже не в слишком вежливой форме. Впрочем, это Анатолий Михайлович ему прощал.

К тому же вероятность того, что молодые люди не разведутся в первые же несколько лет, Анатолий Михайлович оценивал невысоко. У них были слишком разные взгляды на жизнь, а это основное, что вредит хорошему браку.

Было и еще одно – Денис не считал бы женитьбу на Але большой удачей и не был бы ей благодарен по гроб жизни. Вообще-то цену благодарности Анатолий Михайлович знал – цена была нулевая. И все-таки ему хотелось, чтобы зять понимал, что ему повезло. Денис же считал себя стоящим на той же ступеньке социальной лестницы, что и сам Анатолий Михайлович. Мальчик не знал, что в этой жизни все решают связи и деньги.

Не то чтобы Анатолий Михайлович всерьез подыскивал Але жениха, просто, приглядевшись к Косте, неожиданно понял, что хотел бы видеть его своим зятем.

Костю он выделил из небольшой группы молодых инженеров, когда тот пришел к нему с неожиданным предложением. Предложение касалось не технических усовершенствований – они тогда разрабатывали узко ориентированное программное обеспечение и с техническими предложениями к нему приходили многие. Костино предложение касалось коммерческой стороны дела. Парень явно обладал даром бизнесмена, предложил слегка доработать алгоритмы, чтобы использовать их в целом ряде других отраслей. Конечно, пробиться в другие отрасли было весьма проблематично, там своих желающих хватало, но ход мыслей молодого человека Анатолию Михайловичу понравился. Костя был настроен делать деньги.

Тогда стояла отвратительная, с постоянными перепадами температуры зима. Шел ледяной дождь, Анатолий Михайлович, спускаясь вечером с крыльца офисного здания, поскользнулся на обледенелых ступенях, как корова на льду. Ему до сих пор было противно это вспоминать.

Переломов, слава богу, удалось избежать, но связки на левой ноге он порвал. Костя тогда отвез его в травмпункт, а потом домой, вызывать «Скорую» Анатолий Михайлович категорически отказался.

Потом Костя еще несколько раз его навещал, потому что ходить на работу Анатолий Михайлович некоторое время не мог и собирал совещания дома. Можно было обойтись и электронной почтой, но ему нравилось видеть людей.

Никаких намеков Косте – боже упаси! – Анатолий Михайлович не делал и до сих пор не понимал, действительно ли его сотрудник влюбился в Алю или просто делал шаг в карьере.

Так или иначе, но брак у Али и Кости получился удачным. Действительно удачным, Анатолий Михайлович хорошо знал свою дочь и видел, что она довольна и счастлива.

Что-то изменилось только в последнее время. В последнее время что-то у Али шло не так.

Голова разболелась по-настоящему. Анатолий Михайлович сказал секретарше, что уходит, запер кабинет, вышел на улицу. Утренний ветер стих, на солнце было не по-августовски жарко. Он уже дошел до метро, как неожиданно повернул назад и открыл дверь в небольшой ресторан, куда иногда заходил пообедать.

– Сто пятьдесят водки, – попросил он официанта. – И мясо какое-нибудь, помягче.

Зал был почти пуст, даже странно, что Костю он заметил не сразу. Впрочем, мог и совсем не заметить, столы были отгорожены друг от друга цветочными стенками. Зять сидел вполоборота к Анатолию Михайловичу и тестя не видел. Он смотрел на женщину напротив. Разглядывать женщину Анатолий Михайлович не стал, ему вдруг сделалось нехорошо, стало тяжело дышать. Костя смотрел на незнакомую женщину так, как смотрят в одном-единственном случае. Анатолий Михайлович смотрел так на Елену и больше ни на кого.

«Мне показалось», – сказал себе Анатолий Михайлович, отворачиваясь. Почти залпом выпил водку, едва тронул мясо и расплатился.

«Я преувеличиваю, – уговаривал он себя, подходя к дому. – У Али и Кости хороший прочный брак».

А если даже у кого-то из них и появится увлечение на стороне, для их брака это не опасно. Они оба любят ребенка и любят друг друга. А увлечения... Увлечения проходят быстро и бесследно.

Поднимаясь в лифте, он совершенно успокоился. Косте по работе приходится встречаться с массой людей, и с мужчинами, и с женщинами. Просто сам Анатолий Михайлович в последние дни слишком часто думал о Елене, вот и мерещится всякая ерунда.

Аля понимала – с няней ей повезло. Леся не только очень любила Данечку, но постепенно взяла на себя все заботы по дому, освободив Алю от надоевшей нудной рутины.

Але уже не приходилось ломать голову над домашним меню, что всегда давалось ей с трудом, поскольку вкусы у них с Костей были разные. Муж любил простую еду и мог каждый день есть мясо с картошкой, Аля же предпочитала легкую полезную пищу. Сама она не готовила, для этого мама находила ей женщин, но выбор еды всегда вызывал головную боль.

С Лесей все пошло по-другому. В холодильнике или на плите всегда были завтрак, обед и ужин, Костины рубашки вовремя сдавались в прачечную, Даньке своевременно покупалась одежда, и Аля могла посвятить все время сыну.

Посвящать все свое время сыну Аля пообещала себе сразу, еще до его рождения. Сама росла, как сорная трава, – папа вечно пропадал на работе, а мама либо у плиты стояла, либо по телефону трепалась. Конечно, на английский она Алю водила, и на музыку водила, но это не заменяло настоящего родительского участия.

Своей обиды Аля маме никогда не высказывала, мама-то как раз считала, что посвятила дочери всю свою жизнь, но себе дала слово, что научится быть Даниле настоящим другом.

Сегодня Леся опоздала, Аля даже забеспокоилась, принялась ей звонить, но номер оказался недоступен.

– У нас троллейбусы стояли, – запыхавшись, объяснила няня, когда наконец отперла дверь. – Жуткая авария! Три «Скорые» проехали, представляешь?

Про аварии Але думать не хотелось, в жизни много тяжелого, не надо на этом концентрироваться. Концентрироваться следует лишь на позитивном.

– Отдохни, – посочувствовала Аля. – Чайку попей. А мы пока с Даней поиграем. Да, Данечка?

Сын не ответил, подбежал, ткнулся Лесе в колени, снова убежал к игрушкам. В последнее время Аля заметила, что ревнует сына к няне, и дала себе слово от недостойного чувства избавиться. Вот и сейчас постаралась ничего не заметить.

С няней повезло, и нужно сохранять хорошие отношения.

Сначала Аля сомневалась, брать ли ей Лесю. Во-первых, девушка была с Украины, и Аля опасалась, что она не будет грамотно говорить по-русски. Опасения оказались напрасными, некоторые немосковские обороты проскальзывали, но критичным это не было.

А во-вторых, у Леси несколько лет назад умер полугодовалый ребенок. Аля боялась, что горе наложило на несчастную мать отпечаток и няня не сможет растить Данечку веселым и жизнерадостным. Опасения и в этом случае не оправдались, Леся ласково улыбалась мальчику, пела ему песенки и терпеливо уговаривала, когда ребенок капризничал.

Леся занялась Даней, Аля легла на диван с книгой. Мама посоветовала новый переводной детектив, и детектив оказался интересным.

Потом позвонила Маша, потом, почти сразу, папа.

Аля отложила книгу, детектив перестал казаться интересным.

Идти или не идти на похороны?

Костя никогда не упоминал о ее бывшем женихе, но это не значит, что он ее не ревновал.

Теперь Аля понимала, что ничего стоящего из ее дружбы с Денисом получиться не могло. Он был слишком наивным и поэтому слабым, такие в жизни не пробиваются.

А она привыкла с детства гордиться своим отцом и неудачников откровенно презирала.

Они и поссорились в последний раз именно из-за того, что Дениска всерьез решил бороться с собственным начальством. Что-то там у них на кафедре вышло некрасивое, кто-то воспользовался чужими наработками, и Денис решил сыграть в Дон Кихота. Аля тогда только окончила институт – совсем ребенок, но уже понимала, что и когда можно делать.

– Не дури, – сказала ему тогда Аля. – Играть нужно по тем правилам, которые существуют. Понимаешь? Станешь завкафедрой, будешь устанавливать свои правила. А пока нужно помалкивать.

Про то, что играть нужно по установленным правилам, любил повторять папа, а Аля отцу верила.

– Ты хочешь, чтобы я кланялся подлецу? – изумился тогда Денис.

– Ты будешь кланяться подлецу, если хочешь, чтобы я была с тобой, – твердо заявила Аля.

Потом они еще много чего друг другу наговорили. Денис уехал, а Аля весь вечер проплакала. Если для него чужие проблемы важнее их любви, значит, и любви никакой нет.

Вообще-то в то время ей уже очень нравился Костя, но то, что Денис, выбирая между Алей и еще чем-то, выбрал не ее, ранило очень сильно.

Через неделю Костя сделал ей предложение.

Зашуршал замок. Аля вскочила, бросилась в прихожую.

– Костенька! – Ее объятия мешали ему переодеться, он ласково отодвинул жену. – Очень устал?

– Голова болит немного. Сделай чайку, – попросил Костя.

– А ужинать? – расстроилась Аля. – Поешь хоть немножко, все такое вкусное.

Лесину стряпню Аля сегодня не попробовала, но няня никогда не подводила.

– Не хочется. Ты ужинай, а я чаю попью. Как вы тут?

– Нормально, Костенька, нормально. – Про Дениса Аля решила не говорить. Зачем? Костя его практически и не знал, так, встречались пару раз.

Муж пошел в детскую, Аля включила чайник. Леся всегда давала им возможность спокойно поужинать в отличие от предыдущей няньки, которая требовала дополнительные деньги за каждый лишний час, проведенный с ребенком.

Мысли о Денисе беспокоили, но она давно научилась собой владеть.

17 августа, среда

Тело брата можно было забирать и хоронить. Хорошо, что агент из ритуальной службы взял все заботы на себя, потому что голова была какой-то ватной, чужой, Кира даже плохо понимала, что агент ей говорит. Впрочем, одно она понимала точно – нужно немедленно раздобыть денег. Она уже собиралась отправиться в банк за кредитом, но тут позвонила Маша, предложила помощь и деньги, и Кира согласилась. Просто потому что не было сил куда-то идти.

Маша же и начала обзванивать бывших друзей Дениса. Собственно, Кира просто не смогла бы этого сделать, поскольку телефонов знакомых брата не знала, а Машин муж Павел знал.

Маша приехала утром, сделала Кире яичницу и заставила съесть, уселась за телефон, сообщая печальную новость, потом стала прикидывать, сколько народу будет на похоронах. «Позвони Светке, – посоветовал Павел и продиктовал ей номер. – Она всех обзвонит и все организует».

Маша так и сделала. Незнакомая Света заохала, заохала и очень Маше помогла, через час назвала примерное число желающих прийти на похороны.

Кира понимала, что подруга очень ее выручает, и была ей благодарна, но все-таки вздохнула с облегчением, когда Маша ушла.

Хотелось заснуть и спать долго, много дней. Но тут позвонила заведующая салоном и стала слезно умолять, чтобы Кира отработала сегодняшней вечер.

– Я все понимаю, Кирочка, – упрашивала она. – Но положение безвыходное. У Алины ребенок заболел, из сада позвонили, чтобы забирала. Я сама сейчас ее

подменяю, а мне вечером на вокзал ехать, родственников встречать. Выйди, пожалуйста. Заодно отвлечешься. Что тебе одной дома сидеть?

У сменщицы Алины без конца болел ребенок. Кира вяло посопротивлялась и согласилась. Заведующая была женщина добрая и участливая, и, хотя вполне могла бы и не встретить своих родственников – сами доберутся, Кира сдалась.

– Ладно, приеду, – устало сказала она.

На самом деле получилось к лучшему. Дома бы она лежала и смотрела в потолок, а на работе действительно отвлеклась и иногда даже забывала, что теперь точно никому на свете не нужна.

Все ей сочувствовали, предлагали помощь, только маникюрша Ольга не удержалась:

– Ты никогда не говорила, что у тебя брат есть. Вы с ним не ладили?

– Мы с ним ладили, – усмехнулась Кира. – Только он человека сбил и отсидел в тюрьме.

– Господи, ужас какой! – ахнула маникюрша. Как будто бывает ужас страшнее смерти. – Пьяный был?

– Он не пил! – отрезала Кира и попросила: – Оль, отстань.

Салон потихоньку пустел, только у Марины еще сидела клиентка. Кира достала пачку сигарет, вышла на крыльцо, затянулась и впервые подумала, что та давняя авария была не только неожиданной, она была странной. Денис всегда аккуратно водил машину, он же не сумасшедший. И не пьяный урод. Нормальные трезвые люди не сбивают пешеходов.

Резко открылась дверь соседней стоматологии, едва не ударив Киру по лбу.

– Простите, – хмуро извинился парень в очках. Кира его сразу узнала.

– Ничего, – милостиво кивнула она. И отвернулась, облокотившись о перила.

– Я вас отвезу, – услышала она за спиной.

– Спасибо, – не глядя на мужчину, покачала головой Кира. – Не надо. Сегодня нет дождя.

– Я отвезу! – Он сбежал по ступенькам, не оборачиваясь, сделал несколько шагов и открыл дверь частично припаркованной на тротуаре «Тойоты».

Кира пожала плечами, вернулась в помещение. Марина попрощалась с клиенткой, переоделась и убежала. Кира обошла салон, проверяя, везде ли потушен свет и отключены электроприборы, и наконец заперла входную дверь.

Мужчина в «Тойоте» терпеливо сидел с наушниками в ушах.

Пройти мимо было глупо, садиться в машину – еще глупее. Кира открыла дверцу и уселась рядом с водителем.

– Мои соболезнования, – вынимая наушники и не глядя на нее, сказал он.

– Что? – поразились Кира. – Откуда?..

– Я вчера к вам заходил. – Мужчина повертел головой, тронул машину. – Мне сказали, что вас сегодня не будет и что у вас умер брат.

– Зачем вы заходили? – Она отчего-то здорово разозлилась.

Такому мужчине не пара администратор из салона красоты. Рядом с ним может быть только красавица на дорогой машине. Художница или журналистка. А у Киры нет денег, даже чтобы похоронить брата.

– Хотел отвезти вас домой, – пожал он плечами. И на этот раз на какое-то мгновение все-таки скопил на нее глаза.

– Зачем?!

– Отвезти вас домой, – терпеливо повторил он.

«Тойота» остановилась у поворота в сторону центра. Несколько пешеходов дисциплинированно тронулись на зеленый свет, Кира проводила глазами девушку в длинной юбке. Девушка смеялась и говорила по телефону, а волосы у нее крупными кольцами опускались до середины спины. Волосы были свои, не химия, это Кира умела определять сразу. Такая была бы под стать ее спутнику.

– Зачем вам отвозить меня домой? – так же терпеливо повторила Кира.

– Мне по пути.

– Вам не по пути, – вздохнула она. – Высадите меня! Я живу в другом месте.

– Я отвезу вас в другое место.

– Не надо! Не хочу! Высадите меня.

– Как скажете. – Он прижался к тротуару, а когда она взялась за ручку двери, опять предложил: – Давайте отвезу.

Вечер был теплый, как в июле. В такой вечер пройтись одно удовольствие. Жаль только, что сил прогуливаться у Киры не было, а «Тойота» остановилась как раз посередине между станциями метро.

– Что вам от меня надо? – Кира опять откинулась на сиденье. Лезть в метро не хотелось до смерти.

– Не знаю, – признался он. – Просто мне захотелось вас подвезти.

– Вы подвозите всех подряд?

– Нет, – вздохнул он. – Я никогда никого не вожу. Вы первая.

– Ну везите, – разрешила Кира и назвала адрес. А когда «Тойота» развернулась в сторону бывшей бабушкиной, а теперь ее собственной квартиры, вежливо поинтересовалась: – Как зуб?

– Спасибо, отлично. – Она думала, что мужчина улыбнется, но он не улыбнулся. –
Поставили постоянную пломбу.

Он больше не появится, ему поставили постоянную пломбу.

Заметных пробок в сторону области не было, но поток машин шел плотный.

– Моего брата убили, – неожиданно сказала Кира. – Я найду убийцу.

– У вас есть предположения? – серьезно спросил он.

– Нет, – призналась Кира. – Но я найду убийцу.

– Это трудно. С этим профессионалы не всегда справляются.

– Я справлюсь.

Он промолчал.

Впереди все-таки образовалась пробка. На метро она доехала бы быстрее.

– Мой брат сидел в тюрьме. Недавно освобожден, я его даже не видела. Живым.

Он опять промолчал.

– Почему вы не спрашиваете, за что он сидел?

– А это имеет значение? – Их ряд наконец тронулся, «Тойота» проехала метров
десять.

– Имеет, – твердо сказала Кира. – Мой брат виновник ДТП. Он сбил человека
на смерть. А еще я знаю, что он умный и честный. Был. Он был лучше всех на
свете. А его убили.

Она не плакала ни вчера, ни позавчера. Она думала, что разучилась плакать, но
сейчас слезы потекли сразу и обильно. Кира достала из сумки бумажный платок,

промокнула глаза.

Оказалось, что пробка вызвана небольшим ДТП. Две столкнувшиеся машины были слегка помяты, но, кажется, никто не пострадал. Кира проводила аварию глазами, а водитель – нет.

– Меня зовут Николай, – сворачивая к бабушкиному дому, сообщил он.

– Кира.

– Я знаю.

Ничего удивительного, он вчера заходил в салон, ему рассказали про Киру.

Больше Николай ничего не произнес, и Кира больше ничего не сказала, только кивнула на прощанье – до свидания.

«Тойота» тронулась, едва она захлопнула дверь. Николай не предложил встретиться и не спросил ее номера телефона. Впрочем, Кира этого и не ждала. Он спешил к совсем другим девушкам, которые ходят в салоны красоты, только чтобы постричься или сделать маникюр.

Анатолий Михайлович не мог отключиться от мыслей о бывшем женихе дочери. Он не переживал и не расстраивался, просто почему-то постоянно думал о том парне.

«Позвоню Елене, – неожиданно решил он. – Никакого возврата к прошлому быть не может, просто позвоню и узнаю про Дениса».

Когда-то Елена была очень дружна с племянницей и хорошо знала ее друзей, не может сейчас не знать о несчастье.

Позвонить можно было и самой Кире, но это выглядело бы глупо, Кире должна звонить Аля. Аля подруга, а к чему Кире разговаривать с ее отцом?

Но насколько Анатолий Михайлович понимал, в последние годы Аля от Киры и Маши отошла, почти не общалась с ними. Это и понятно, у дочери ребенок, суетная семейная жизнь. Но было и другое, что отдаляло Алю от ее бывших подружек. Девочки работали, наверняка еле-еле сводили концы с концами, и их проблемы Але были просто неинтересны.

При этом Анатолий Михайлович почему-то был уверен, что Маша и Кира дружбу сохранили.

Позвоню Елене, окончательно решил он. Хотелось позвонить немедленно, но Анатолий Михайлович дождался завершения рабочего дня. Если требует от подчиненных на работе полноценно работать, самому тоже следует соблюдать правила.

День выдался не из легких, два проекта были на грани срыва, и Анатолий Михайлович срочно перекраивал составы рабочих групп. Наконец кабинет опустел. Анатолий Михайлович недолго посидел, опустив веки в раскрытые ладони. Этому его научила жена, утверждала, что упражнение хорошо снимает усталость. Его усталость ничто не могло снять, но закрывать глаза ладонями вошло в привычку.

Нужно было звонить, но он почему-то не мог решиться. Сидел и смотрел на лежащий перед ним телефон.

Он удивился, когда узнал, что Елена – тетя одной из ближайших Алиных подруг. Почему-то ему казалось, что женщина, с которой он постоянно сталкивался по утрам, гуляя с собакой, не имеет к его семье никакого отношения.

В тот день резко потеплело. Под ногами образовалось месиво из воды и снега, улицы тогда убирали не так чисто, как теперь. Женщина опускала свою болонку на тротуар, собачка недовольно поджимала лапы. Она уже перестала бояться Ричарда.

– Меня зовут Анатолий, – зачем-то представился Анатолий Михайлович, останавливаясь рядом.

– Елена. – Лена опять подхватила болонку на руки и улыбнулась.

– У вас ребенок учится в нашем классе? – Ни до, ни после ему не приходило в голову заговаривать на улице с почти незнакомой женщиной.

– Племянница, – опять улыбнулась Лена. – Маша Смирнова.

– Кто?! – опешил он, засмеялся и растерянно покачал головой.

Маша в отличие от Киры ему нравилась. Девочка была тихая, спокойная. От хохотушки Киры можно было ждать любых выходов, он помнил, как однажды она увела подруг в зоопарк, и родители сходили с ума, потеряв девочек.

– Маша Смирнова, – подтвердила она. – А что вас так удивило?

– Не ожидал, – искренне признался он. – Маша подруга моей дочери.

– Я знаю. Аля часто к нам приходит, а на собрании к вам обращались как к ее отцу.

Они тогда еще о чем-то поговорили, сделали вместо одного круга вокруг дома два. Елена легко и почти незаметно улыбалась и словно излучала спокойную радость, и ему очень не хотелось от нее уходить. Ему и потом никогда не хотелось от нее уходить.

Анатолий Михайлович сунул телефон в карман, надел висевший на спинке кресла пиджак и вышел на улицу. В пиджаке было жарко, несмотря на вечернее время. Неплохой август стоит в этом году.

Рядом остановилась желтая машина такси. Анатолий Михайлович подождал, когда из такси выберется пожилая пара, наклонился к водителю:

– Свободен?

Мужчина-азиат кивнул. Анатолий Михайлович уселся на переднее сиденье. Елену он встретил позавчера у дома Машиных родителей. Едва ли она там живет, наверное, приходила в гости. Он подумал и назвал адрес Елены. Дома у нее он ни разу не был, но адрес помнил.

Он отлично помнил тот двор и тот тягостный разговор, который у них случился.

Как ни странно, таксист ехал без навигатора и отлично ориентировался. Даже вовремя сворачивал в переулки, объезжая пробки.

Номера квартиры Анатолий Михайлович не знал, а подъезд помнил.

– Подождите, – попросил он водителя, когда такси остановилось рядом с подъездом. – Я заплачу.

«Мы не можем быть вместе, – сказала Елена прямо на этом месте. – Это невозможно».

Тогда была поздняя осень, ветер поднимал в воздух упавшие листья.

Сейчас дом окружала густая темно-зеленая листва.

Анатолий Михайлович вздохнул и достал телефон. Он так и не смог удалить из электронной памяти ее номер.

– Лен, спустись, пожалуйста, – не здороваясь, попросил он.

– Сейчас, – после легкой заминки согласилась она.

Анатолий Михайлович вышел из машины, прошел по тротуару метров двадцать, повернул назад и сразу ее увидел. Она покрутила головой, увидела его и не спеша пошла навстречу. Раньше он побежал бы к ней, схватил в охапку, вдохнул родной запах.

Сейчас подошел, едва ускорив шаг. Она посмотрела на него спокойно и печально.

– Что случилось?

– Ты знаешь, что произошло с Денисом? – Она совсем не изменилась за эти несколько лет, но уже не была родной. Она была чужой женщиной, которую

приятно и грустно вспоминать.

- Кира нашла его мертвого. Его застрелили.

- Бедная девочка! – посочувствовал он. Дочь говорила, что у Киры умерли родители. – У полиции есть какие-то предположения?

- Не знаю. Маша приехала сразу и потом весь вечер была с Кирой. Но девочки ничего не знают. Денис должен был приехать к Кире накануне, но не приехал, вот она и забеспокоилась. Он мог бы пролежать там бог знает сколько времени.

Елена была в легких брюках и блузке из жатой ткани. Поднявшийся легкий ветер колыхал рукав блузки, и ему захотелось его поправить.

- Если нужны деньги, я могу помочь.

- Деньги нужны наверняка, – нахмурилась Лена. – Но едва ли она их от тебя примет.

- Почему?

- Ты прекрасно понимаешь почему, Толя.

«Ты прекрасно понимаешь, что мы не можем быть вместе...» Он не понимал, почему они не могут быть вместе.

Но он прекрасно понимал, почему Кира не возьмет у него денег.

- Передай деньги через Машу, анонимно.

- Нет, Толя. Милостыню подадут, только когда ее просят.

Больше говорить было не о чем. Она еще постояла, глядя мимо него, повернулась и быстро пошла к подъезду.

Волосы у нее были до плеч. А тогда стрижка была очень короткая, и волосы приятно кололи ему щеку.

Дверь захлопнулась. Наверное, дома ее ждет муж.

Муж был непризнанный художник, периодически впадал в запои, жил на Ленины деньги, и она возилась с ним, как с малым дитятей.

Анатолий Михайлович вернулся в машину и назвал домашний адрес.

Тогда он был на все согласен. «Не хочешь разводиться, – уговаривал он, – будем встречаться как сейчас. Ну почему мы не должны встречаться, Лен?»

«Потому что это подлость. Я не могу. И ты не можешь».

Она была неправа, он мог. Ему очень хотелось развестись и жить с ней, но и видеться хотя бы пару раз в неделю тоже был вариант. Лучше, чем ничего.

Такси остановилось. Анатолий Михайлович расплатился и почувствовал, как стучит в висках.

– Толенька! – Жена улыбалась, встречая его у дверей. – Устал?

– Устал, – улыбнулся он в ответ, снимая пиджак. – Голова болит.

– Давай я измерю тебе давление, – заволновалась она. – Нужно обязательно, обязательно измерить давление. Возраст, сам понимаешь.

Он не казался себе старым. Он всегда удивлялся, вспоминая, что ему идет шестой десяток.

– Потом. Сделай чаю, Катенька.

– А ужинать?

– Не хочется.

Вечер прошел как обычно. Только ложась в постель, Анатолий Михайлович ясно понял, что Лена не стала ему чужой. Ему опять хотелось к ней вернуться. Хотелось запустить пальцы в отросшие волосы и прижаться к ним щекой.

Он уже засыпал, когда внезапно поднялся и подошел к письменному столу. В столе лежал пистолет, купленный еще сто лет назад, в девяностые. Разрешения на оружие у Анатолия Михайловича, конечно же, не было, и пистолет следовало выбросить давным-давно. Сейчас не те бандитские времена.

Он облокотился о стол, выдвинул ящик, нашарил ключ, отпер запертый ящик с пистолетом, развернул тряпку, в которую оружие было завернуто.

«Завтра же выброшу», – пообещал он себе, вернулся в постель и на этот раз сразу заснул.

18 августа, четверг

Киру разбудил телефон, потом звонки пошли почти непрерывно. Она не думала, что желающих пойти на похороны брата будет так много. Маша, когда всех обзванивала, оставляла Кирином номер, и теперь звонили ей. Кого-то она помнила по прежним временам, кто-то был ей совсем незнаком. Кира объясняла, что точное время похорон еще неизвестно, и обещала сообщить, когда все выяснится.

Нужно было звонить ритуальному агенту, нужно было заказывать ресторан, а она тупо смотрела в окно и продолжала сидеть за столом, в тесной бабушкиной кухне.

Бабушка была строгой, не любила беспорядка, не любила шума. Не разрешала разбрасывать игрушки, перед уходом они с Денисом аккуратно складывали игрушки в большой ящик. Ящик с игрушками стоял у бабушки до самой ее смерти, Кира выбросила его, только когда сюда переехала.

Дениска любил слушать бабушку. Бабушка рассказывала историю московских улиц и переулков, а брат подливал себе чай и с интересом слушал. Это когда они уже были школьниками. Кира интереса брата не понимала, уходила в другую

комнату, доставала коробку с пазлами и ложилась на ковер собирать картинки. Пазлы она тоже выбросила, а потом об этом жалела.

Раздался очередной звонок. Кира ответила и обрадовалась, что это Маша. Помощь ей была нужна, но просить подругу она не стала бы, привыкла надеяться только на себя.

«Надейтесь только на себя, – учила бабушка. – Родители должны дать вам образование, а больше никто ничем вам не обязан».

Кира с ней спорила, она ждала тогда большой любви и знала точно, что гипотетический любимый оградит ее от всех мыслимых проблем. Дурочка была.

Маша пообещала приехать. Сразу стало спокойно, Кира бегло просмотрела список тех, кто обещал прийти на похороны.

Опять раздался звонок, на этот раз городского телефона.

– Алло, – сказала Кира. В трубке молчали, и она раздраженно повторила: – Алло! Говорите!

– Извините, – тихий и робкий женский голос. – Вы Кира?

– Да, – мрачно подтвердила Кира. – А вы кто?

– Я Наташа.

– Какая Наташа?

Трубка не то вздохнула, не то всхлипнула:

– Извините, а Денис не у вас?

– Наташа. – Кира неожиданно заволновалась. – Откуда у вас мой телефон?

– Денис дал. Он собирался к вам поехать, а у него зарядка потерялась...

- Наташа, вы... - голос был совсем молодой, и Кира с трудом подобрала слово, - дружили с Денисом?

Она была уверена, что не ошибается. Девчонка не была брату посторонней.

- Где он? - после паузы неожиданно твердо спросила девушка, и Кира испугалась, что она сейчас отключится.

- Приезжайте ко мне, - быстро попросила Кира и назвала адрес. - Приезжайте, пожалуйста.

- Где Денис? - не сдавалась девушка.

- Его нет больше.

- Что?

- Его больше нет. Его убили...

Больше Кира ничего не успела произнести. Девушка резко вздохнула, и в трубке слышались короткие гудки. Это было ужасно. Кира давно собиралась подключить определитель номера, но так и не собралась. Теперь эту Наташу не найти.

Почти сразу слышался звонок домофона, Кира открыла дверь подруге.

- Я подобрала ресторан, - с порога начала Маша. - Недалеко от кладбища и не очень дорого.

- Сейчас звонила девочка, Наташа, - перебила Кира. - По-моему, это девушка Дениса.

- Он же недавно вернулся, - с удивлением посмотрела на нее Маша.

- Ну и что? - возразила Кира. - Чтобы познакомиться, много времени не надо.

При этом она почему-то подумала про Николая. Не надо о нем думать, рядом с ним место совсем другим девушкам.

– Она позвонила на городской, а потом трубку бросила. Теперь не знаю, как с ней связаться.

– Жалко.

– Жалко, – согласилась Кира.

– Может, позвонит еще. На похороны, наверное, захочет прийти.

– Может быть.

Маша принялась прикидывать, сколько и чего нужно заказать в ресторане. Кира в этом почти не участвовала.

Позвонил агент, предложил время похорон, Кира равнодушно согласилась. Маша уехала смотреть зал в ресторане и внести предоплату.

Кира должна была все это делать сама, ей никто ничем не обязан. Бабушка сейчас ее не одобрила бы.

Без подруги стало совсем тошно. Кира послонялась по квартире, вернулась на кухню, положила в рот конфету, запила водой из чайника.

Зазвонил домофон, Кира, не спросив, кто к ней просится, нажала кнопку открытия дверей. Рекламщики, равнодушно решила Кира. Положат теперь в почтовый ящик гору всякого мусора.

Через минуту зазвонили в дверь квартиры. Девушка за дверью еще не успела ничего произнести, но Кира сразу поняла, кто перед ней.

– Наташа?

Девушка кивнула. Она была молоденькой, лет двадцати. Очень худенькая, испуганная. Короткая стрижка. Сейчас мало кто коротко стрижется, разве что совсем пожилые дамы. Стрижка была сделана хорошим мастером, профессионально отметила Кира.

– Проходи. – Кира посторонилась, провела девчонку на кухню, где перед этим сидела Маша.

Наташа не плакала, только смотрела на Киру с тоской и удивлением, как будто ждала, что ей сейчас все объяснят и успокоят и в ее жизни опять все будет отлично.

– Дениса убили. – Кира включила электрический чайник. Ей все время хотелось пить.

– Как? – тихо спросила Наташа. Губы у нее были бледные, почти белые. – Когда?

Она не спросила кто. Обычно спрашивают именно это.

Впрочем, в последнем Кира не была уверена, она не работала в полиции и такого опыта не имела.

– Его убили в воскресенье. Застрелили. Дома. Ты когда его видела в последний раз?

Кира достала чашки. Не спрашивая, бросила в обе по пакетик чернoго чая, залила кипятком.

– В воскресенье. – Наташа сидела, крепко сжав пальцы, как будто у нее замерзли руки. – Вечером он собирался к вам, а утром мы виделись.

Кира вытаскивала из нее слова и не сразу заметила, что девочка все-таки плачет. Слезы катились из ненакрашенных глаз, Наташа их не вытирала. Скорее всего она их даже не замечала.

Они с Денисом встретились рано утром. Сначала погуляли, потом пошел дождь, и они просто сидели у него дома. А потом он на такси отвез Наташу домой.

Денис должен был с кем-то встретиться, а потом поехать к Кире.

Денис познакомился с Наташей в поезде. Они вместе ехали в Москву, в одном купе. Наташа гостила у родственников, родственники навязали ей кучу всяких домашних деликатесов, и Денис помог ей добраться до дома с тяжелой сумкой. Потом они много раз встречались, почти каждый день.

Она знала, что Денис сидел. Он ей это сразу сказал. Ну и что? Она его любила. А теперь его нет, и ей тоже незачем жить.

- Это пройдет, - успокоила Кира. - У тебя все впереди, и любовь, и семья. Все у тебя будет.

- Нет. - Девушка вытерла слезы ладонью, достала из кармана джинсов носовой платок, высморкалась. - Мне никто не нужен, кроме него.

- Пройдет, - повторила Кира. - Человек все может пережить.

Неужели брату нужна была эта дурочка? Впрочем, Аля тоже большим интеллектом не отличалась.

Кира продолжала спрашивать, но ничего стоящего Наташа не рассказала. Она никогда не встречалась с Денискиными друзьями, он даже никогда ей о них не рассказывал. Она знала только, что раньше он преподавал в университете. Он обещал помочь с математикой, если потребуется. Она учится в техническом вузе.

Скоро Кира от гостыи устала и вежливо ее выпроводила.

За окном ветер покачивал ветви деревьев. Лето кончалось, как будто его и не было, а она ни разу не съездила за город.

Нужно обязательно поехать на дачу. Прибраться в доме, собрать сливы и яблоки, если они выросли, аккуратно сложить Денискины книги. Кира никогда их не выбросит.

Она обязательно съездит на дачу, но сначала поймет, кто и почему убил брата.

Особых пробок в городе не было, но поездка в ресторан вышла долгой, домой Маша пришла даже позже Павла.

- Ты где пропадаешь? – обнимая ее, спросил муж. – Я уж волноваться начал, собрался тебе звонить.

- Ресторан заказывала для поминок. – Маша прижалась к нему, поцеловала в шею. – Лучше бы, конечно, вместе с Кирой. Я все время боялась ошибиться.

- Ты ездила одна? – Павел с удивлением заглянул ей в лицо.

- От Киры сейчас никакого толка, – пожала плечами Маша. – Она очень переживает. На нее смотреть больно.

- Но... Заказывать поминки ее дело. – Павел прошел вслед за Машей в комнату, остановился, глядя, как она переодевается. – Это и отвлекает, кстати. А у тебя отпуск, между прочим. Тебе хоть немного отдохнуть надо.

- Паш, но никто же не виноват, что Дениса убили в мой отпуск. Ты ужинал?

- Нет, конечно. Тебя ждал. Послушай, ну нельзя же позволять садиться себе на шею.

- Мне никто не садится на шею, – улыбнулась Маша, отправляясь на кухню. Заглянула в холодильник, подумала и поставила в микроволновку готовую упаковку замороженного мяса с гарниром.

В планах было хотя бы в отпуске готовить Павлу нормальную еду, Маша почувствовала себя виноватой.

- Оказывается, у Дениса была девушка. – Достав из холодильника овощи, Маша быстро нарезала салат.

- Да? – равнодушно прокомментировал муж. – Что же тут странного?

- Ну... он ведь только что освободился.

- Ну и что? Найти девушку не проблема даже после отсидки. - Павел взял в руки валявшийся на столе планшет, принялся водить пальцем по экрану.

Планшет у них был один на двоих. Маша все собиралась купить второй, но постоянно забывала.

- А где Денис работал, Кира не знает. И непонятно, как узнать. Денискин телефон полиция забрала.

Микроволновка запищала, сообщила, что еда готова. Маша достала горячую упаковку, разложила ужин по тарелкам.

- Когда работал? - не понял Павел, положил планшет на стол и с недоумением посмотрел на Машу.

- Он успел устроиться на работу.

- Куда? - насторожился муж.

- Я же говорю, Кира не знает.

Павел отвернулся, уставился в окно, забарабанил пальцами по столу. Маша тоже посмотрела в окно, ничего интересного там не было. Небо, макушки растущих рядом с домом деревьев и проглядывающий сквозь них дом напротив.

- Кире сосед сказал, что он устроился программистом.

Муж скептически хмыкнул.

- Тебя это удивляет? - не поняла Маша.

- Программирование - работа для студентов, - усмехнулся Павел и задумался. - И все-таки интересно, кто его взял на работу.

И опять, как вчера, Маше показалось, что разговор выходит какой-то нехороший, неправильный. Павла как будто забавляло то, что случилось с другом.

- Мне очень жаль Дениса, - призналась она. - И Киру очень жаль.

- Мне тоже, - кивнул Павел, но Маша ему не поверила. Не поверила, наверное, первый раз в жизни.

Пужинали. Он опять уткнулся в планшет, Маша убрала со стола. С крыши соседнего дома поднялась стайка птиц, пролетела петлей, скрылась за домами. Около их дачного поселка было заросшее травой поле. В августе на поле собирались стаи птиц, кружили над поселком и лесом, а потом исчезали. Улетали на юг.

Птиц Маша различала плохо, знала только воробьев и синиц. Ну и ворон, конечно. Как-то она пыталась найти в определителе, как называются серые птички, собиравшиеся на дачном поле, но так и не сумела - серых птиц на картинках было много.

- И все-таки, хотелось бы знать, где Денис успел поработать, - неожиданно сказал Павел, откладывая планшет.

- Зачем? - Маша действительно не понимала. - Какая разница?

- Он слишком долго не работал, за это время техника успела смениться. И технологии тоже.

- Денис умный парень, он бы наверстал.

Павел помолчал и попросил:

- Если узнаешь, где он работал, скажи.

- Конечно.

- Отдать тебе планшет?

- Да, - кивнула Маша.

Муж сел за ноутбук, она устроилась в кресле.

Быстро темнело. Через месяц день осеннего равноденствия, а потом изнуряющая зима.

В детстве Маша любила зиму. Ездила с Кирой на каток в Сокольники. Однажды они пошли гулять по тропинкам парка и заблудились, еле-еле вышли к центральному входу. Маша тогда очень замерзла, простудилась и на Новый год сидела дома с температурой.

Читать не хотелось, она закрыла глаза, кажется, задремала. Разбудил голос мужа:

- Нужно попросить у Киры комп Дениса.

- Зачем? - Маша посмотрела на часы. Пора ложиться.

- Мне интересно, над чем он работал.

- Он же не работал в последние годы.

- Неважно. Кира все равно в его записях не разберется, а мне любопытно.

- Ладно, - пообещала Маша. - Я спрошу у Киры.

Она отправилась в ванную, легла в горячую воду. От соли, которую она бросила в воду, шел слабый запах каких-то трав. Что-то не давало покоя, мучило, Маша не сразу поняла, что почему-то очень боится за Киру.

19 августа, пятница

Разбудил ее вновь телефонный звонок. Кира протянула руку, схватила трубку.

- Спишь еще? – угадал Иван Яковлевич.

- Сплю, – покаялась Кира.

За окном вовсю светило солнце. Она покосилась на часы – почти десять.

- Тут к Денису приходили...

- Кто?

- Парень какой-то. Говорит, с работы. Я в лифте спускался, а он на вашем этаже подсел. Спросил, не знаю ли я, почему ваша квартира опечатана. Я и рассказал без подробностей. Парень на вид приличный, я ему твой телефон дал.

- Правильно, – похвалила Кира.

- Но ты поаккуратнее, в дом его не пускай, – предостерег сосед.

- Ладно. Спасибо. – Кира положила трубку, поплелась на кухню.

Встретиться с кем-то из новых коллег Дениса хотелось. Хотя, зная своего брата, она понимала, что едва ли узнает от них что-то полезное. Денис, несмотря на общее впечатление весельчака, с людьми сходилась трудно. И она тоже. Впрочем, она давно не производила впечатления хохотушки.

Закипел чайник, Кира заварила себе пакетик. Возиться с листовой заваркой было лень. Денис ни за что не стал бы это пить.

Время шло, а она еще ничего про брата не узнала.

«Взгляни на ситуацию со стороны, – советовал Дениска, когда ей казалось, что она в безвыходном положении. – Представь, что на твоём месте кто-то посторонний, чужие проблемы всегда кажутся легкими».

Правда, в той, прежней жизни у Киры почти не было неразрешимых проблем. Разве что когда она потеряла бабушкину сережку. Ей очень хотелось надеть

серьги с бриллиантами на свидание с любимым. С тем самым, который бросил ее, когда Дениса посадили.

Кира собиралась долго упрашивать бабушку, но бабушка сразу же полезла в шкатулку, едва Кира заикнулась про серьги. Бабушка и потом ее удивила, когда вместо двух серег Кира принесла одну. Кира рыдала и боялась посмотреть на бабушку, а та только задумчиво кусала губы, зажав оставшуюся сережку в руке.

– Не к добру, – твердо и обреченно сказала бабушка и убрала сережку назад в шкатулку.

Серьги принадлежали еще Кириной прапрабабке. Единственное, что оставалось в семье от тех давних времен.

Оказалось, что действительно не к добру. Дениса посадили, бабушки нет, родителей нет. И Дениса теперь нет.

Почему-то Кире казалось, что мужчина, которого встретил Иван Яковлевич, ей не позвонит, но он позвонил.

– Меня зовут Сергей Тополев, – представился он.

Имя показалось смутно знакомым, что-то об этом Сереже Кира от брата слышала.

– По-моему, он мне о вас говорил, – сказала она. – Давно, тогда еще.

Скорее всего это что-то Денис говорил не ей, а родителям. С сестрой он своих знакомых не обсуждал, считал Киру маленькой и глупой. С родителями тоже не обсуждал, просто рассказывал, когда происходило что-то забавное.

Собеседник помедлил, и Кира неожиданно предложила:

– Знаете что... Может быть, вы приедете ко мне?

Почему ее не устраивает разговор по телефону, Кира объяснить не смогла бы, только надеялась, что все, что скажет этот Тополев, будет очень для нее важно.

Парень согласился, даже, кажется, охотно. Кира продиктовала адрес и прилипла к окну. Припарковаться около дома было трудно, недавно соседка жаловалась, что к ней не могла подъехать «Скорая». Соседка любила пожаловаться на здоровье.

Бабушка на здоровье никогда не жаловалась, а ее нет. Правда, у бабушки посадили любимого внука, а с соседкиными детьми все в порядке.

Красивая молочная иномарка место нашла, втиснулась рядом с грузовичком, с которого рабочие только что выгрузили длинные коробки. Наверное, кто-то из соседей купил мебель.

Из иномарки вылез мужчина, огляделся, пошел к Кириному подъезду, и почти сразу затренькал домофон.

Парень оказался молодым, не старше Киры. Кира зачем-то посмотрела ему на руку – обручального кольца не было.

– Проходите, – посторонилась Кира и пожалела, что не успела подкрасить глаза.

Парень был невысокий, чуть выше Киры, в джинсах и рубашке в мелкую полоску и выглядел не хуже Николая, который из жалости два раза ее бесплатно подвозил.

Гость уселся в кресло, Кира на диван напротив. Раньше Кире очень нравилось кожаное бабушкино кресло. Она забиралась в него с ногами и читала, библиотека у бабушки была огромная, больше, чем у родителей.

Кира молчала, Сергей понимающе на нее смотрел.

– Как это... случилось? – наконец вздохнул он.

– Я тоже хочу знать как, – зло ответила Кира. – Я приехала, а Денис...

Парень резко поднялся, подошел к окну, постоял и опять повернулся к ней.

– Денис был моим руководителем, – объяснил он. – Фактически научным руководителем. Я учился в аспирантуре и подрабатывал на кафедре. Формально руководитель у меня был другой, но старик только радовался, что я к Денису пристаю, а не к нему.

– Понятно, – кивнула Кира.

– Мы с Денисом тогда одну работу начали. Доложили на заседании кафедры. А потом на эту работу нашлись другие желающие.

– То есть работу у вас сперли, – сделала вывод Кира.

– Сперли, – подтвердил Сергей. – Можно было побороться, но я не стал. Уволился сразу к чертовой матери и аспирантуру бросил. А Денис пытался. Как его... убили?

В окно светило солнце, и Сергея против света видно было плохо.

– Из пистолета, – объяснила Кира.

– Из квартиры что-нибудь пропало?

– Да откуда я знаю! – разозлилась она и постаралась говорить спокойнее: – Вы сказали соседу, что Денис с вами работал...

– Да, – подтвердил он и наконец опять сел в кресло. – У меня теперь своя фирма, и Денис согласился в ней работать.

– Рядовым программистом? – усмехнулась Кира.

– Почему рядовым? Заместителем директора.

– А директор ты?

– Я, – согласился Сергей. – Кира, подумай, не пропало ли что-нибудь из вашей квартиры?

- Подумаю, - мрачно кивнула Кира. - А что именно?

- У полиции есть предположения?

- Понятия не имею. Они мне не докладывают. Что могло быть у Дениса?

Сергей наклонился к ней, опустив локти на колени. Глаза у него были печальные.

- Если ты читаешь новости...

- Не читаю, - перебила Кира.

- Перед тем как...

- Как Дениса посадили, - подсказала она.

- В универе прошли обыски. Наш завкафедры уволился. Ректор, правда, только испугом отделался. Выяснилось, что деньги, выделяемые на научные разработки, уходили частным лицам, а вместо работ сдавалась халтура.

- Подумаешь! - протянула Кира. - Нашел чем удивить!

- На самом деле все было не так. На самом деле, руководство пыталось поддерживать тех, кого надо было поддерживать.

О, господи! Какое ей дело до того, что было сто лет назад.

Или все-таки есть дело?

- Ты думаешь, Дениса могли убить из-за этого?

- Едва ли, - поморщился Сергей. - Та история давно забыта. Да никто особо и не пострадал.

Кира посмотрела в окно, потом на фотографию на стене. На фото они с Денисом совсем маленькие, еще дошколята. Фотография висела у бабушки, сколько Кира себя помнила.

- Можно я приеду к тебе в фирму? - наконец попросила Кира.

Ей обязательно нужно узнать, с кем Денис общался в последние дни.

- Конечно, - поднялся Сергей, достал бумажник, протянул визитку. - Когда похороны?

- В воскресенье.

Визитка была скромная, но солидная. Как раз для директора фирмы.

- Я узнаю, сколько людей будет от фирмы, и позвоню. Ладно?

- Ладно, - кивнула Кира и заперла за ним дверь.

Грузовичка внизу уже не было. Молочная иномарка отъехала, на ее место втиснулся темный джип.

Ей все это время хотелось, чтобы Сергей ее пожалел, посочувствовал, предложил помощь. А он не предложил.

Она должна рассчитывать только на себя. Ей никто ничем не обязан.

Солнце слепило. Кира задернула занавеску, и в комнате сразу сделалось почти темно.

Кира взяла телефон, покрутила в руках, позвонила подруге.

- Маш, ты знаешь, кто такой Сергей Тополев?

Павел в то время тоже работал с Денисом, должен знать этого Тополева.

– Нет, – задумалась Маша. – Не помню.

Все правильно, Тополев уволился еще до того, как Маша вышла замуж. Вряд ли Павел встречается с бывшими сослуживцами, если это, конечно, не закадычные друзья.

– Расспроси Пашу про него, – попросила Кира. – Тополев работал с Денисом на одной кафедре. Сейчас у него фирма, и это он устроил Дениса на работу.

Маша пообещала, не задавая лишних вопросов.

После разговора с Сергеем хотя бы появилась первая версия. Версия была так себе, слабенькая, но все лучше, чем ничего. На кафедре четыре года назад что-то происходило, и Денис имел к этому отношение.

Была и еще одна версия – месть Денису за убитую когда-то женщину на дороге. Но об этой версии Кире думать было противно и страшно.

Леся ушла с Данькой гулять, и Аля задремала. Утром малыш проснулся рано, она тихонько занималась с ним, стараясь не разбудить Костю раньше времени, как и положено хорошей жене. Аля старалась быть хорошей женой, и у нее это получалось.

Она проспала всего минут двадцать, разбудило тарахтение за окном. Наверное, где-нибудь опять перекалывают асфальт. Ей приснилось что-то нехорошее, тревожное. Она с Денисом среди каких-то развалин, Денис идет впереди, Аля за ним не поспевает и очень боится, что он сейчас бросит ее и исчезнет. Глупый сон. Денис никогда бы ее не бросил. В отличие от Кости.

Ужас в жизнь Али вошел три месяца назад. Май выдался холодный, москвичи радовались каждому теплему дню. И она радовалась. Папа уговаривал уехать на лето за границу, пожить где-нибудь на море, и Аля готова была согласиться. Даже продумывала варианты.

В тот день наконец выглянуло солнце. И хотя ветер дул холодный, хотелось пройтись по весеннему городу. Она тогда еще пожалела, что не стало подруг, с

которыми можно походить по магазинам или посидеть в каком-нибудь кафе. Решила позвонить Маше, но в последний момент передумала – Маша работает, погулять наверняка не сможет, и Аля будет глупо выглядеть со своим предложением.

Она доехала до центра, побродила по немногочисленным улицам, заходя во все попадающиеся магазины. Ей тогда еще бросилось в глаза, что среди туристов, группы которых попадались навстречу, преобладают азиаты, китайцы или японцы.

Она нагулялась, устала, выпила кофе в небольшом ресторане и тут сообразила, что находится почти рядом с Костиной работой. И время отличное, Костя как раз должен отправиться обедать.

Подумала, не позвонить ли ему, чтобы ждал ее у входа, но не стала, пусть это будет сюрприз. Она быстро расплатилась, заспешила и заметила мужа на мраморных ступенях здания, не дойдя до него метров десяти. Костя ее не видел. Он смотрел на женщину, стоявшую рядом с ним, а потом взял эту женщину за руку, как Данилку. Правда, руку женщина быстро выдернула, повернулась, начала спускаться по ступеням, ведя за собой Алиного мужа, как собаку на невидимом поводке.

Костя шел, наклоняясь к женщине, и Аля не сразу поняла, что ей напоминает эта сцена. Папу. Она училась в десятом, когда, возвращаясь из бассейна, увидела папу, заходившего в ресторан недалеко от метро. Она хотела ему крикнуть, но была слишком далеко, и просто побежала к темной дубовой двери. Она не знала, что папа ходит в рестораны один, тем более вечером, когда его дома ждет ужин, и ей было любопытно, зачем он туда отправился.

Аля увидела его, не заходя в ресторан, через окно. Папа подходил к столику у окна, за которым сидела Машкина тетя – Лена. Папа наклонился к ней, обнял, поцеловал в волосы. Потом сел напротив и смотрел на Машкину тетку, наклонив голову. На маму он никогда так не смотрел, и на Алю не смотрел.

Але хотелось зайти в ресторан, но она побоялась дядьку, кутившего около входа, дядька мог ее не пустить.

Аля тогда побрела домой, ей отчего-то было страшно.

– Мам, – сказала она, поднявшись в квартиру. – Папа сидит в ресторане с Машкиной тетей. Напротив метро.

Мама смотрела телевизор, шел какой-то бесконечный сериал. Аля тоже любила смотреть сериалы, но не всегда получалось.

– Ну и что? – безмятежно спросила мама. – Папа встречается с разными людьми. Он работает.

– Но он не работает с Машкиной тетей.

– Значит, они обсуждают какие-то школьные вопросы. Аленька, каждый человек встречается с массой разных людей. Было бы странно, если бы не встречался.

Мама не отрывалась от экрана, и Аля ушла к себе в комнату.

Оттуда и слышала, как мама выбежала в прихожую, когда хлопнула входная дверь, родители заговорили как обычно, ушли на кухню.

– Пап, ты почему так поздно? – спросила Аля, когда отец заглянул к ней в комнату.

– Много работы, – улыбнулся папа, наклонился и чмокнул ее в лоб.

Совсем не так, как тетю Лену.

– Устал?

– Немного.

Она еще поговорила с папой и велела себе забыть сцену в ресторане.

И действительно, никогда о ней не вспоминала, пока не увидела Костю с незнакомой бабой.

«Не может быть!» – сказала себе Аля, замерев у стены здания и не понимая толком, что она имеет в виду под этим «не может быть». Пара спускалась в противоположной стороне огромной широченной лестницы, а потом медленно двинулась, отдаляясь от Али.

Нужно было поступить как мама. Нужно было не придумывать себе гипотетических опасностей, а просто оставаться хорошей женой и стараться, чтобы мужчине было комфортно дома. Тогда в семье будет все хорошо.

Костя обнял женщину за плечи, засмеялся, отпустил. Аля медленно двинулась следом, не в силах оторвать взгляда от спины мужа. Парочка достигла небольшого сквера, села на ближайшую лавку. Аля стояла у ограды и смотрела на них. Потом все-таки заставила себя повернуться, подняла руку и, сев в какую-то немислимую развалюху с кавказцем за рулем, доехала до дома.

– Костенька! – обрадовалась она, встречая мужа вечером в прихожей. – Я так соскучилась! Как день прошел?

– Нормально. – Костя подхватил подбежавшего Данилку, поднял к потолку, засмеялся.

«Все хорошо, – сказала себе Аля. – Все всегда будет хорошо».

У них сын, и Костя очень любит ребенка.

Тогда она еще не знала, что не сможет, как мама, не думать о неприятном. Не думать о неприятном не каждому под силу, Аля не сумела. Правда, маме было легче, у мамы не было Алиной сосущей тайны.

Вернулись Леся и Данечка. Аля переодела сына, принялась читать ему сказку.

Она хорошая жена и хорошая мать, а все неприятности рано или поздно проходят.

Пистолет нужно было выбросить немедленно, но Анатолий Михайлович понимал, что в городе это сделать трудно. Безлюдный участок реки найти практически

невозможно, а все остальное ненадежно. Не в мусорный же ящик кидать, чтобы какой-нибудь бомж нашел? Стереть с оружия полностью все следы проблематично.

Он, как обычно, поехал на работу, погрузился в обычную суету, а к вечеру неожиданно понял, что очень хочет видеть Елену. Хочет настолько, что готов стоять у ее дома, только чтобы посмотреть на нее издалека.

Ни на что не надеясь, он достал телефон и набрал ее номер.

- Лен, - попросил он. - Давай увидимся. Пожалуйста.

- Давай, - после некоторой заминки согласилась она и все-таки поинтересовалась: - А зачем?

- Потом скажу, - отмахнулся он и предложил ресторан, в котором они несколько раз бывали в прежние времена.

- Ладно, - сказала Лена, и ему неожиданно и не к месту сделалось весело, как раньше, он даже пошутил с секретаршей, запирая кабинет.

Секретарша трепалась с кем-то по телефону.

- Да ты что-о?! - тарщила она глаза. - Ничего-о себе!

При виде его бедная девочка испуганно замерла, быстро положила трубку.

- Хорошие новости? - улыбнулся Анатолий Михайлович. - Или средненькие?

Секретаршу он взял на работу, потому что попросил бывший сослуживец. Девушка приходилась ему то ли внучкой, то ли племянницей. Сослуживец давно был на пенсии, но Анатолий Михайлович старался никому не отказывать, если это, конечно, не вредило делу.

Девочка работала старательно, бумаг не путала, и, если бы глупо и необъяснимо его не боялась, Анатолий Михайлович помощницей был бы вполне доволен.

– Хорошие, – улыбнулась девушка и наконец-то посмотрела на него без ужаса. – Моя подруга выходит замуж.

– Совет да любовь, – пожелал он.

В ресторан он пришел минут за десять до появления Лены. Меню листать не стал, неотрывно смотрел на дверь. Кажется, даже не моргал. И только когда Лена появилась, почувствовал, что ужасно нервничал.

– Извини. – Она положила сумку на стоявшую рядом подставку, села напротив.

– Ты не опоздала, – успокоил он и подвинул ей меню.

– Что случилось, Толя? – В меню она даже не посмотрела.

– Мне плохо без тебя, – глядя на нее, сказал правду Анатолий Михайлович. – Мне без тебя плохо, Лен. Я не живу, а так...

Она опустила глаза, потом посмотрела куда-то в сторону.

– Ты вспоминала обо мне?

– Я о тебе все время помню.

Елена наконец посмотрела на него, и он увидел в ее глазах тоску и усталость.

– Лена, мы совершили тогда ошибку.

Подошел официант, Анатолий Михайлович сделал заказ.

– У тебя семья, Толя.

У него нет семьи, потому что пребывание дома он давно рассматривает как вторую работу.

– Почему у меня? У тебя тоже.

– Я развелась.

– Что? – не поверил он.

Они расстались, потому что она считала невозможным изменять своему придурку-мужу и считала невозможным бросить этого придурка.

– Я развелась пять лет назад.

Ему сделалось тоскливо. Они потеряли пять лет. Пять очень долгих лет.

Анатолий Михайлович протянул руку и запустил пальцы в черные волосы. В волосах было немного седины, совсем немного. Жена регулярно красила волосы. Вызывала такси и ехала в салон, водить машину она не умела и не хотела учиться.

– Не надо, Толя. – Лена дернула головой, освободилась.

– Ты все-таки его бросила?

– Он меня бросил.

– Что?! – поразился Анатолий Михайлович, как недавно девочка-секретарша.

«Он без меня пропадет, – утверждала Лена. – Он без меня не сможет. Я не могу с ним так поступить».

Она не могла с ним так поступить, а он с ней смог.

– Лен, поедem к тебе, – сказал Анатолий Михайлович. – Прямо сейчас.

Она не ответила, но он уже знал, отныне все в его жизни будет хорошо.

Официант принес заказ, и Анатолий Михайлович пожалел, что кусок мяса оказался огромным и есть его придется долго.

Домой он приехал поздно, жена уже спала. Неответченных вызовов в его мобильном не было. Она уважала его и его работу и старалась не беспокоить своими звонками.

Маша вспомнила, что Кира просила ее узнать про какого-то Тополева, только ложась спать.

– Паш, – спросила она, прижимаясь к плечу мужа. – Кто такой Сергей Тополев?

– Какой Тополев? – не понял Павел, обнимая жену одной рукой. Другую руку он протянул, чтобы выключить бра.

– Ты с ним работал. В университете.

– Тополев? – Лица мужа не было видно, но Маша поняла, что он нахмурился. Вопрос ему не понравился. – Был такой парень. Он недолго проработал. А что?

– Кира просила у тебя узнать. Она сегодня с ним разговаривала. – Маша поерзала и устроилась на мужнем плече поудобнее.

– Зачем?

– Зачем узнать или зачем Кира разговаривала?

– И то, и другое, – усмехнулся Павел.

Ему явно не нравились разговоры обо всем, что связано с Кирой. Маша почувствовала себя виноватой.

– Наверное, Кира со многими разговаривает, кто знал Дениса. Кстати, Денис, оказывается, устроился на работу к этому Тополеву. Ты еще хотел узнать, где Денис работал.

– Любопытно, – помолчав, протянул Павел.

- Паш, - не выдержала Маша, - тебе почему-то неприятно об этом говорить?

- Что за чушь? - возмутился он. - Не придумывай глупостей! Мне нет никакого дела до Сереги Тополева. Мне на него абсолютно наплевать.

- Ну так расскажи!

- Да нечего рассказывать! Обычный аспирант, подрабатывал на кафедре. Потом уволился, и больше я о нем не слышал. Я и сам вскоре уволился.

- Он диссертацию защитил? - зачем-то спросила Маша.

Зря спросила, видела же, что Паша не хочет об этом говорить.

- Нет, - сразу сказал Павел и взмолился: - Слушай, ну хватит об этом! Я действительно ничего не знаю. Знал бы - рассказал.

Он повернулся и прижал Машу к себе. Дальше расспрашивать она не рискнула.

Заснула Маша сразу, но неожиданно проснулась в полной темноте. Осторожно, стараясь не разбудить Павла, взяла будильник, оказалось, что только половина второго. Она повернулась на другой бок, закрыла глаза и вдруг вспомнила, как на их свадьбе коллеги Павла по университету обсуждали что-то неприятное, случившееся на кафедре.

Собственную свадьбу Маша вспоминала без особого восторга. Самые близкие подруги, Кира и Аля, не пришли, были только девочки из института, где она училась, и родственники. Родственников тоже было мало, только родители и Лена. Бабушка очень хотела пойти, но она болела.

Институтские девочки вышли покурить, и Маша с ними. У входа в ресторан стояли трое парней, улыбнулись, отошли в сторону, чтобы не мешать девушкам. Парни, как поняла Маша, были из университета. Они негромко говорили про полицию, про «серые» схемы, про то, что ректор наверняка слетит с должности и нужно ждать перемен. Маша не прислушивалась, она смеялась о чем-то с девочками, а теперь об этом пожалела.

К тому времени Павел уже работал на новом месте, и про университетские дела, которые обсуждали его приятели, Маша его ни разу не спросила. Впрочем, о том разговоре она и не вспомнила ни разу.

Непонятно, почему она сейчас о нем вспомнила.

С тех пор парней из университета она не видела. Наверное, Павел с ними как-то общался, но Маше не рассказывал. Он вообще редко рассказывал ей про работу, и Маша не стремилась к тому, чтобы рассказывал чаще. Пару раз она ходила к нему на корпоративы, но ей там было просто скучно.

Они вообще редко встречались с друзьями, им вполне хватало общества друг друга. Наверное, это было как-то неправильно, но Машу устраивало.

Только сейчас, ворочаясь с боку на бок, она подумала, что что-то неправильное в этом все-таки есть.

Она ворочалась еще долго и заснула только под утро.

20 августа, суббота

Обычно люди в горе теряют способность спать, а Кира, наоборот, никак не могла проснуться. Телефон звонил и звонил, и она с трудом разлепила глаза.

– Я тебя разбудила? – расстроилась Маша. – Извини.

– Ничего, – успокоила Кира. – Давно вставать пора.

– Павел про Тополева почти ничего не знает. Он недолго проработал и уволился. Я даже не выяснила, закончил аспирантуру или нет.

Отчего-то Кира не сомневалась, что мало что узнает от Машиного мужа. Павла она помнила плохо, и он ей не нравился.

Приходил долговязый парень к Денису, на Киру поглядывал весело и равнодушно, а маме целовал руку, что выглядело предельно глупо. Машей Павел заинтересовался сразу. Кира с подругой болтали в Кириной комнате под тихую музыку, смеялись о чем-то, когда неожиданно брат пригласил их на совместное чаепитие. Они тогда долго сидели вчетвером, помимо чая выпили бутылку вина, Павел рассказывал смешные истории, а Денис помалкивал. Потом Павел и Маша простились и ушли, и после этого подруга с Павлом почти не расставались.

Павел был веселый и умный, а Кире не нравился. Впрочем, главное, чтобы он нравился Маше.

– Тебе какая-нибудь помощь нужна? – спросила подруга. – Ты скажи, Павел сегодня работает, и мне совсем делать нечего.

– Маш, – неожиданно попросила Кира, – давай за город съездим.

– Давай, – немного удивленно отозвалась Маша.

Кира вскочила с постели, бросилась в ванную. Подруга приехала меньше чем через час, но Кира уже была готова, даже заставила себя позавтракать яичницей из одного яйца. Бабушка утверждала, что выходить из дома на голодный желудок – последнее дело.

– Куда поедем? – спросила Маша, когда Кира выскочила из подъезда и уселась рядом.

Кира назвала подмосковный городок. Она там никогда не бывала, но нужный адрес помнила. В этом городе случилось то, что сломало им всем жизнь.

Когда погибла та женщина.

Женщину звали Надежда Федосеева. Ей было двадцать три года, и она была беременна.

Женщину Кира не представляла, видела только ее брата. На суде. Брат был маленький, щупленький, плакал и сморкался, и на первый взгляд казался то ли

полупьяным, то ли слабоумным. Слабоумным он точно не был – выгоды не упускал. Родители собрали огромную по их зарплатам сумму и передали брату убитой, чтобы смягчить вину Дениса. Деньги парень, поломавшись, взял, но это не помогло, на суде он рыдал, проклинал убийцу и требовал максимального наказания.

– Нужно заправиться, – решила Маша.

– Давай.

Подруга ничего не спрашивала, и Кира молчала. В то, что Надеждин брат отомстил Денису, верилось слабо, но в жизни случается даже то, во что не веришь.

К тому же у Надежды могли оставаться другие родственники, а самое главное, отец будущего ребенка. Или какой-нибудь тайный воздыхатель. Тайных воздыхателей в жизни Кира не встречала, но в книжках про такое писали.

Конечно, Кира не надеялась испугать до смерти брата Надежды и вырвать у него признание, но узнать хотя бы, не поменял ли он адрес, хотелось. А скорее всего, хотелось просто для себя самой создать видимость, что она не сидит сложа руки, а действует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/evgeniya-gorskaya/sud-bu-sluchayno-ne-vstrechayut>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)